

В. Киршон
"ЧУДЕСНЫЙ СПЛАВ"

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гоша Филиппов.
Петя Горемыкин.
Ян Двали — эстонец.
Костя Курицын.
Наташа.
Ирина.
Олег — толстый.
Настя — старуха.
Тоня.
Посторонний гражданин.
Директор института.
Начальник управления.
Звеньевой.
[Дворник].
Комсомольцы, пионеры, сотрудники института,
колхозная молодежь.

ПЕРВЫЙ АКТ

Лето. Утро. Лаборатория научно-исследовательского института авиационной промышленности. Печки для плавки металла. Распределительные щиты. Измерительные приборы, шкафы с банками, ящики с металлом, диаграммы. На стене доска для вычислений. Две двери — справа и слева. На заднем плане, за большой стеклянной дверью, другая комната лаборатории, — там исследуют металл; видны микроскопы, фотоаппаратура и т. п. У доски, исписанной различными формулами, стоит Гоша с мелом в руке. Он перепачкан мелом. Мел у него даже на лице и в волосах, потому что, увлекаясь, он теребит рукой свою шевелюру. Вокруг него в разных позах Петя, Ян Двали, Олег, Костя, Ирина. Все слушают Гошу с громадным вниманием.

Гоша (*пишет цифры на доске*). Удельный вес — один восемьдесят четыре, а алюминий — два семьдесят. ~~Металлические и металлоидные свойства: оказывает удивительное влияние на повышение прочности тяжелых металлов; исключительная стойкость сплавов с его участием против коррозии; плавится при тысяче двухстах восьмидесяти градусах.~~ Это — бериллий, товарищи. Бериллий — замечательный металл с поэтическим названием. Подводя итоги своим обширным работам в лабораториях Симменс и Гальске, немцы говорят (*читает*): «Бериллий не мог быть использован в качестве компонента в сплавах легких металлов вследствие технической трудной сплавляемости». Я предлагаю разбить немцев и создать сплав бериллия с магнием. Тогда у нашей авиации будет прочный и самый легкий в мире сплав.

Олег. А тебе известно, что точка испарения магния лежит ниже точки плавления бериллия?

Гоша. Да, мне известно. Я полтора года сижу на бериллии. ~~Сегодня последний день нашего перерыва.~~ С зав-

трашнего дня предлагаю работать над сплавом и взять обязательство закончить опыты ко Дню авиации.

К о с т я. Неужели оторвем? Проверить надо... Все-таки они ведь знают, раз они немцы...

Д в а л и. Перестань впадать в маловерство! Что это значит — немцы? Не имей склонности забывать пословицу: «Что немцу здорово, то русскому будь здоров».

О л е г. Такой пословицы нет.

Д в а л и. Такая пословица есть.

П е т я. Нет, так будет, не в этом суть. Гошка, вот тебе ненадолго пять пальцев. Это замечательно. Ребята, это ж великое дело. Гоша, дорогой химик и бригадир, веди нас.

И р и н а. Самый устойчивый и самый легкий в мире сплав.

~~Г о ш а. Самый легкий, Ирина, и вверх.~~

К о с т я. Может, сроков не устанавливать, ребята?

П е т я. А что?

К о с т я. Опоздаем. Уж раз я буду в бригаде — опоздаем. Дело серьезное, и я честно предупреждаю. Со мной все опаздывают. Это у меня в крови.

И р и н а. Ну, брось ты глупости говорить. Скажем — сделаем.

П е т я. И наоборот.

К о с т я. Как «наоборот?»

П е т я. Сделаем — скажем. Правильно, Ирка.

К о с т я. Неужели немцам вколем, ребята? Сложная, сложная задачка. Ты подсчитал, Гоша, все подсчитал?

Г о ш а. Я не только подсчитал, я прочувствовал эту работу, технически прочувствовал, — она выйдет.

Д в а л и. Невыполнимых дел нет, есть невыполнимые люди. Я — за.

П е т я. Гошка, ты распределение работы наметил?

И р и н а. Надо будет организационные вопросы продумать. Обеспечить хозяйство.

К о с т я. Во всяком случае, я постараюсь не отстать от вас, ребята. Ну-ну, даже голова кружится.

Г о ш а. А ты, Олег?

О л е г. Больше трех лет я работаю над проблемой бериллиевых сплавов.

П е т я. Вот замечательно. Молодец, вещий Олег!

О л е г. Меня не смущает сама проблема. Неприемлемы методы, которые ты предлагаешь.

И р и н а. То есть?

О л е г. Я считаю, что научно-технические проблемы не решаются бригадами.

Г о ш а. Вот как?

П е т я. Мама дорогая! Вы слышали? А еще говорят, в здоровом теле — здоровый дух.

О л е г. Мне надоели твои острооты, Петя. Пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе об этом. Бригада может технически выполнить чью-нибудь мысль, но самую мысль бригадой не заменишь. Если ничего нет в голове, количество голов не поможет.

Г о ш а. Ты, стало быть, против коллективной работы?

О л е г. Я — за чувство меры. Не все укладывается в рамки, Гоша. Технический подход — это совсем не то же, что подход механический. Кое-где полезно работать коллективно. Но в науке и технике всегда торжествовала мысль гениального одиночки.

П е т я. Ты врешь, негениальная одиночка! И про науку врешь, и про технику врешь. Всегда создавала что-нибудь только коллективная мысль. Это ж. непреложный факт. Ты это крепко пойми. —

О л е г. Я знаю...

П е т я. Ты ничего не знаешь. Над открытием алюминия трудились: Гемфри Деви — англичанин-химик, Эрмштедт — датчанин, Вёллер — химик-немец, Генрих Сен-Клер Девиль — француз, Роберт Бунзен — опять же немец. Каждый вкладывал свои знания и пользовался опытом другого. Обретались они в разных странах, жили в разное время, а был это коллектив, дорогой вещей Олег, алюминиевая бригада. Усвой. Кое-какне мелочи мешали им объединиться под руководством, ну, например, Гоши, и они трудились оторванно и приватно. А мы имеем возможность работать нашим славным коллективом номер три, пребыванием в котором я горжусь. И Ян Двали ведет протоколы наших плавок. Верно, Двали?

Д в а л и. Абсолютно так.

О л е г. Что ж, ты хочешь сказать, что наша бригада равноценна тем ученым, которых ты назвал?

П е т я. Не сказал бы, не люблю преувеличений. Нет, мы несколько послабее, но не забудь — у нас все впереди, а те уже сыграли в ящик.

О л е г. Послабее. В этом гвоздь вопроса. Бригада — объединение слабых. Объединяются потому, что каждый ничего не стоит в отдельности. Мне не нужна бригада.

Я могу и хочу отвечать сам за себя. Пусть я буду хоть единицей, но не порядковым номером.

Гоша. Короче говоря, ты отказываешься работать с нами?

Олег. Я буду работать над той же проблемой сам.

Двали. Он хочет быть бóльшим Магометом, чем гора.

Ирина. Такой пословицы нет.

Двали. Такая пословица есть.

Ирина. Значит, ты вызываешь на соревнование нашу бригаду?

Олег. Если вам так нужны ярлыки, — пожалуйста. Да, я вызываю вашу бригаду на соревнование.

Костя. Ты считаешь, что один стоишь больше нас пятерых? Броско.

Гоша. Мы не обидчивы, Костя. Хорошо, работай параллельно, посмотрим, что у тебя выйдет.

Ирина. Но мы не справимся без него.

Гоша. Нет, справимся. К нам сегодня придет еще один работник. Химик, или, вернее, химичка. Это девушка.

Петя. Девушка? Откуда?

Гоша. Из треста цветных металлов, она работала в Сибири.

Петя. Весьма интересный факт. Ты видал? Блондинка?

Гоша. Нет еще.

Петя. Что значит — нет еще? Скоро будет блондинкой?

Гоша. Я говорю, не видал. Да что, это не безразлично?

Петя. Для тебя безразлично, а для меня — нет. У всякого свой подход, Гоша. Ты, например, подходишь к женщине чисто химически, а мне ближе физика ~~физическая~~ близость. *там смущать.*

Ирина. Петя!

Петя. А что? Я откровенно признаюсь, люблю обнять девушку на сегодняшний день. Нельзя?

Олег. Ну так что ж?

Петя. А что? Ты разве еще не ушел, единица? Все же с тобой установлено. Может, ты думаешь, состоится обряд посвящения тебя в рыцари печального образа? Нет, это откладывается, — видишь ли, я забыл шпагу на даче.

Гоша. Вопрос решен, Олег. Надо только сговориться с директором.

Олег. Ладно. *(Уходит.)*

Ирина *(Гоше)*. Что ж он так ушел, один? Его можно было уговорить.

Гоша. Зачем? Пусть работает параллельно. Для института это только полезно. Не забывай, что, кто бы из нас ни проиграл, сплав выигрывает.

Костя. Ценный все-таки физик. Не просчитаемся ли? Может, урегулируем?

Двали. По-моему, абсолютно нет. Он нам нужен как пятое колесо собаке.

Ирина хочет что-то сказать Двали.

(Останавливает ее жестом.) Есть. Надо распределять работу. Ты имеешь договоренность с директором?

Гоша. Да.

Двали. Тогда завтра будем начинать.

Петя. Внимание! (Поднимает руку.)

Костя. Что такое?

Петя. Тсс...

Все смотрят. Открывается дверь и входит уборщица Настя.

Настя. Идите обедать, а то определенно ничего не останется.

~~Петя. А что?~~

Настя. Последний раз вас зову.

Костя. Почему это последний, ты еще сегодня ни разу не звала.

Настя. В этом месяце последний. Уезжаю на курорт. До свидания!

Петя. На курорт? Это ж замечательно. Ты смотри там, не очень того.

Настя. Определенно буду того.

Ирина. До свидания, Настенька, поправляйтесь. (Целует Настю.)

Гоша. Купайся, Настя. Пока. (Уходит.)

Настя. Вы свет гасите по вечерам. А ты, Петя, окурки перестал бы бросать в уборной.

Петя. Это не я, это Двали.

Двали. Не верь, Настя, это поклепка.

Настя. Определенно ты. А то я новенькую тут вместо себя оставляю. Девушка. Определенно не усмотрит. Вы сами соблюдайте.

Петя. Поезжай, поезжай, походный крематорий.

Настя. Я тебе дам — крематорий!

Петя убегает. Прощаясь с Настей, выходят остальные. Настя одна — стирает пыль, поправляет банки. Входит, оглядываясь, Наташа.

Н а т а ш а. Здравствуйте.

Н а с т я. Здравствуй. Это тебя, стало быть, назначают?

Н а т а ш а. Меня.

Н а с т я. Как звать?

Н а т а ш а. Наташа.

Н а с т я. Ага. Ну, иди сюда, Наташа, я тебе дела передам. Проникнись вниманием. Понимаешь, на какое дело идешь? Думай. Прежде всего, в какое учреждение ты пришла?

Наташа хочет что-то сказать.

Ты молчи, я сама буду говорить. В научное. Значит, кто ты есть теперь? Как и я, научная сотрудница. Определенно. Чем будешь вестись? Как и я, лабораторией. Что в ней делают? Опыты. Стало быть, ты есть опытная уборщица. Вот твоя квалификация. Прими инвентарь. (Раскрывает шкаф, в котором висят и лежат тряпки, щетки, салфетки, мочалки в образцовом порядке и за номерами.) Вот. Изучай. Тряпка номер один — для пола. Пол протирай два раза в день. Тряпка номер два — столы будешь мыть. Номер три — для смахивания с банок. Щетка Пи. Запоминай — Пи. Это, значит, ее формула. Ты знаешь, что такое формула?

Наташа хочет что-то сказать.

(Перебивает ее.) Молчи, я скажу. Ты молчи и перенимай. Формула есть непонятное обозначение обыкновенности, чтоб посторонние не догадались. К примеру — медь. Лежит кусок, ты видишь — определенно медь. А написано Си. Вот и разберись, то ли медь, то ли Си. А вот тебе щетка — как будто щетка, а написано Пи. Захочет кто-нибудь забрать щетку — и задумается: как будто щетка, а может и Пи. Кроме того, оставляю тебе ребят. Строже держи. Определенно. Требуешь. Обедать зови, не нозовспь — не пойдут. Потому что в голове ветер, целый день тут возятся. Особенно приглядывай за Гошкой, он у них бригадиром. Этот парень, можно сказать, вредитель. Все уже уйдут или уедут на свою дачу, — у них дача есть, называется комсомольская, а этот сидит и жжет свет. Сидит и жжет. Определенно. Если Петька будет приставать, — он и ко мне бы приставал, только я его в границах держу, — ты заяви Ирине, девочка у них есть. Она на него подействует. Она на всех действует. Есть еще эстонец. Ты имей в виду, он до того длинный, если на шкафу не уберешь, он входит и уже наверху беспорядок заметил, — вытирай пыль...

Тебе что?

Т о н я. А я уборщица новая, Тоня, меня к вам прислали. Вы Настя будете?

Н а с т я (*пораженно смотрит то на Тонию, то на Наташу*). Я-то Настя буду и есть. (*Наташе*). А вот ты кто?

Н а т а ш а. Я — Наташа.

Н а с т я. Слышала. Какая твоя квалификация? Кто тебя прислал?

Н а т а ш а. Я тоже научная сотрудница, но работать буду в третьей бригаде. Меня прислал трест цветных металлов.

~~Н а с т я. Цветных? А чего же ты мне полчаса голову морочишь?~~

~~Н а т а ш а. Да я все пыталась сказать, что вы меня, наверное, принимаете за Си, а я совсем другое, но вы ведь не позволяли.~~

~~Н а с т я. Что же они там путают? Тут надо делом заниматься, а они черт-те знает кого присылают. Я скажу им, что я об них думаю. Определенно! (Тоне.) Пойдем.~~

Уходят. Наташа осматривается, закуривает. Входит Гоша. Смотрит некоторое время на Наташу, которая его не замечает. Она производит на него такое впечатление, что он растерялся и даже отступил назад. Наташа оборачивается и тоже смотрит на Гошу. Пауза.

Н а т а ш а. Вы что — пожарный?

Г о ш а. Пожарный? Почему пожарный?

Н а т а ш а. Вы как-то странно смотрите, а я закурила в лаборатории. Может быть, нельзя?

Г о ш а. Нет, я не пожарный.

Н а т а ш а. Это хорошо. Вы не знаете, как мне найти бригадира третьей бригады? У него еще такое ласковое имя — Гоша.

Гоша окончательно теряется и машет рукой по направлению правой двери.

Спасибо. (*Уходит.*)

Гоша стоит, ерошит волосы. Входит П е т я.

П е т я. Ты уже здесь? Знаешь, мне кажется, раз Олег откололся, исследования надо будет поручить Ирке. А?

Гоша молчит.

Да что с тобой? Гоша? Гошка! Перестань притворяться сумасшедшим. Я не люблю этого. Ну...

Гоша. «Вы что — пожарный?»

Петя. Нет, пока еще. А что? Где пожар?

Гоша. Молчи, молчи. Понимаешь, я захожу, и вдруг она оборачивается. «Вы что — пожарный?»

Петя. Мама дорогая! Спятил. Кто она, Гоша? Ты не волнуйся, это я — Петя. Узнаешь меня?

Гоша. Уйди к чертовой бабушке, не мешай. А я говорю: «Нет, почему вы думаете?» А она говорит...

Петя. Да кто она? Будь ты неладен. Кто она?

Гоша. Химик.

Петя (*свистит*). Вона!.. Ну и что ж, какая она?

Гоша. Петька, ты понимаешь, она какая-то вся такая...

Петя. Вся? Да ну?

Гоша. Честное слово. Ты пойми, она оборачивается и прямо мне в упор: «Вы что — пожарный?»

Петя. Так прямо и кроет? А ты?

Гоша. А я говорю: «Нет, я не пожарный».

Петя. Здорово нашелся. Однако ты в самом деле похож на пожарного.

Гоша. Я? Чем же?

Петя. Не знаю. Есть что-то неуловимое. Ну и что же с этой девушкой?

Гоша. Так она спрашивает: «Вы что — пожарный?»

Петя. Как, опять спрашивает?

Гоша. Почему — опять? Один раз она спросила.

Петя. Ну, я слышал это. Можно подумать, будто вас тут стояла целая пожарная команда и она у каждого в отдельности спрашивала. Дальше-то что?

Гоша. Дальше, понимаешь, очень странная история. Она вдруг говорит: «А где мне найти Гошу? У него такое ласковое имя». У меня, понимаешь? И я почему-то так обалдел, что не показал на себя, а показал на дверь, и она пошла.

Петя. Блондинка?

Гоша. Не знаю.

Петя. Ну, волосы у нее светлые или черные?

Гоша. Не видал.

Петя. Ну, вот что, Гоша. Дело очень серьезно. Возьми себя в руки. Посмотри на себя: разрозненные глаза, размагниченное лицо, потеря равновесия. Гоша, ты на точке кипения. Остынь — или начнешь плавиться, а плавиться должен бериллий, а не ты. Выбирай, Гоша, выбирай. Металл

или эта химичка, черт ее принес. Гошка, сплавляй бериллий, а я сплавлю эту девицу. Пусть едет обратно в Сибирь. ~~Кузбассу нужны химички, я читал сегодня в «Правде».~~

Гоша. Посмей только сказать что-нибудь этой девушке!

Петя. Гошка, ты не смеешь. У нас с Олегом соревнование. Ты же предаешь нас. ~~По сравнению с тобой Азеф — благороднейшая личность.~~

~~Гоша. Плевал я на Азефа.~~

Петя. Да как ты мог так поддаться? Это ж поразительно. Является какая-то фитиолька с буклями, и вот пожалуйста — наш брендмейстер уже спешит как на пожар. Ведь она ж кокетка.

Гоша. Не смей!

Петя. Безусловно, кокетка. Извольте видеть, приходит и сразу: «Вы пожарный?» Это ж кокетство. Она же льстит тебе. И сейчас же нате вам — «ласковое имя». Гоша — ей ласковое имя. А имя-то вроде названия болезни. Скажи, картавя, «рожка» — вот тебе и Гоша.

Гоша. Не приставай.

~~Петя. Ты же химик, черт тебя подери, ты должен знать, что внезапная любовь бывает только от несварения желудка.~~

Гоша. Идет... Петька, она идет сюда. *(Убегает в дверь налево.)*

Петя быстро поправляет волосы и куртку. Смотрит на дверь.

Входят Костя, Двали, Ирина.

Петя. Товарищи, сплав в опасности.

Ирина. Что?

Костя. Почему?

Петя. Бригадир влюбился.

Костя. Что ты болтаешь?

Двали. Это невозможно.

Петя. Я сам не поверил бы, но я был свидетелем припадка. Явился научный сотрудник, специалист по неорганической химии, провел с нашим бригадиром краткую беседу о постановке пожарного дела в СССР, и бригадир расплавился.

Ирина. А где же она?

Петя. Она разыскивает его. Он в нее влюбился, а она его разыскивает. Тут сложная кинематографическая интрига.

Двали. А Гоша где?

Петя. Он пошел снять каску.

К о с т я. Это непохоже на Гошку.

П е т я. Это с ним в первый раз. До сих пор он никого и знать не хотел. Реакция будет бурная. Насколько я понимаю, в таком состоянии он не сможет по-настоящему трудиться. В общем, он влюблен. Понимаете вы, химики и физики, он влюблен.

Д в а л и. Да. У всякой старухи своя прореха.

И р и н а. Боже мой, такой поговорки нет, Двали.

Д в а л и. Такая поговорка есть.

К о с т я. Ребята, ну какие теперь поговорки? У нас сроки. Ведь мы опоздать можем, надо принять меры. И потом — Олег-то будет работать.

И р и н а. А с чего вы взяли, что любовь будет мешать ему? По-моему, наоборот. Я очень рада за Гошку.

П е т я. Ты не знаешь Гошку. ~~Увы, сей командир за-
паса и инженер~~ — как мужчина имеет отрицательные показатели.

Д в а л и. То есть?

П е т я. Он боится женской половины человеческого рода.

И р и н а. Неправду ты говоришь.

П е т я. Честное пионерское. Обладая замечательной смелостью в технике, он не имеет никакой смелости по отношению к вам. Любовь его будет платонической и вместе с тем вулканической. В результате восторгается вещей Олег.

К о с т я. Я говорил, опоздаем, ребята. Видите, начинается. Это у меня в крови.

И р и н а. Что же делать?

П е т я. Вот я вас спрашиваю.

К о с т я. Мне все-таки не верится.

П е т я. Не верится? Пойди убедись сам. Идите, в самом деле, посмотрите, что с этим огнетушителем. А я подумаю, что можно предпринять.

Д в а л и. Пойду установлю, в чем дело, я.

П е т я. Сходи, сходи. Ему как раз в его новом положении нужна каланча.

Все, кроме Пети, уходят. Входит О л е г.

А, Олег!

О л е г. Мы уже виделись сегодня.

П е т я. Ты что, серднишься на меня?

О л е г. Сержусь? Как вы все упрощаете, право.

П е т я. Так мы ж необразованные.

О л е г. Вот. Эти шуточки. К чему они тебе? Почему ты по всякому поводу считаешь нужным балаганить и во всем видеть смешное?

П е т я. Видишь ли, сейчас как раз произошло событие мало смешное. Но вообще я веселый, потому что мне весело.

О л е г. Что тебе весело?

П е т я. Да мне все весело. Понимаешь ты, горшок с переживаниями? Постарайся крепко понять. Ведь я мог родиться в семье бацплл, которых ты так боишься, и ты, будучи меланхоликом, вдохнул бы меня. Что б я мог сделать? Расстронть тебе желудок. А я человек. Понимашь, настоящий человек с головой и вообще другими частями тела. Ломаю землю, летаю вверх, ныряю вниз да еще живу в нашей расчудесной стране, в которой одиннадцать тысяч километров шири и двадцать два километра высь.

О л е г. Ну и что же?

П е т я. А тебе мало? Ведь и ты бы мог родиться клопом, и мы сожгли бы тебя в очередной клопный субботник.

О л е г. Почему клопом?

П е т я. А что? О, прости, даже предположение о том, кем бы ты мог родиться, должно быть красиво. Ну, ты родился бы орхидеей. Согласись, что человеком все-таки лучше.

О л е г. Не знаю, я не уверен в этом.

П е т я. Да? Тяжелый случай. От таких мыслей или разводиться, если женат, или вот тоже влюбиться.

О л е г. Почему тоже?

П е т я. Да тут Гошка влип в один цветной металл.

О л е г. Это что, ваша новая химичка?

П е т я. Да, черт ее дернул родиться.

О л е г. Полюбить. У нас все это так опростили и опостили.

П е т я. Сочувствую. Прошла пора рыцарской любви. Где вы, где вы, турниры, турниры, рапиры, пиры, аксельбанты, банты, лалаты, латы? Есть от чего загрустить — ни тебе замка, из которого можно спереть красавицу, ни даже замка, которым можно ее запереть. Негде разгуляться такому изможденному и бледному романтику, как ты.

О л е г. Если б я полюбил, я бы поднялся над действительностью, потому что любовь окрыляет. Каждый мой нерв трепетал бы, и родилось бы громадное творческое напряжение. Я б создавал замечательные вещи. Что это за девушка?

Петя. А что?

Олег. Так, вообще.

Петя. Да будь она неладна. Но Гошка ей страшно понравился. Ласковый, говорит, очень парень. А вместе с тем видно, говорит, что в сердце у него пожар. Много вообще говорила хорошего.

Олег. О Гоше?

Петя. Ну да.

Олег. Ну и что же он делает?

Петя. Кто?

Олег. Гоша.

Петя. Это я сам хотел бы знать. Может, стихи пишет, а может, пошел мебель присмотреть. Впрочем, я пойду сам взгляну, что с ним происходит. *(Вышел.)*

Олег *(прохаживается)*. Кажется, опять печень болит. Чем, однако, он ей понравился?

Входит Наташа.

Наташа. Скажите, пожалуйста, где мне найти бригадира Гошу?

Олег. Не знаю. Зачем он вам?

Наташа. Да я буду работать с вами. Вы ведь из бригады?

Олег. Да... Собственно, нет. Я был в бригаде до сегодняшнего дня.

Наташа. А теперь?

Олег. Теперь я буду работать самостоятельно.

Наташа. Почему? Разве бригада плохая?

Олег. Как вам сказать? Это не так просто. Они, конечно, полезные работники, хотя звезд с неба не хватают. Мне, однако, несколько тесно с ними.

Наташа. Вам тесно?

Олег. Да. Может быть, и не они в этом виноваты.

Наташа. Кто же, вы сами?

Олег. Нет. Система. Идея системы, если хотите.

Наташа. Бригадный метод?

Олег. Это только частность. Коллективизм.

Наташа. Ах, вот как!

Олег. Да. Я не верю, будто какие бы то ни было проблемы можно решать при помощи сложения. Два и два будет четыре, это верно. Но музыкант плюс сапожник — две разные индивидуальности. Знаете ли вы, что во всем мире нет

двух равных отпечатков больших пальцев, что же сказать о человеческой психике?

Наташа. Но коллективизм, потребность работать вместе может быть в психике человека.

Олег. Тогда это стадная психология. Мне она чужда.

Наташа. Вы очень уверены в своих силах?

Олег. Сейчас я буду работать параллельно с бригадой над бериллиевым сплавом. Один. Хотите работать со мной? Вы увидите, что мы будем сильнее их.

Наташа. Вот как. Но двое — это уже маленькая бригада.

Олег. Нет, нет, это совсем другое. Согласитесь. Ну что вам делать в этой бригаде? Вы будете среди них инородным элементом. У вас очень нежное лицо и брови вразлет, у вас глаза голубые и вместе с тем горячие. Разве они могут понять? Они, поверьте, узкие и ограниченные люди. Круг их интересов замкнут сроками, планами, соревнованиями. Массу времени они тратят на всяческие никому не нужные собрания. У них какие-то нагрузки. Не ходите к ним. Я договорюсь с дирекцией, меня ведь очень ценят, мне позволят взять вас помощницей. Ну, соглашайтесь!

Наташа. Что это вы в перчатках?

Олег. В перчатках? Да, знаете, пыль, бактерии всякие. Это гигиеничнее — в перчатках меньше шансов заболеть. Что же вы мне ответите?

Наташа. Вы как-то все сразу — и брови и нагрузки. Торопитесь. Но мне нужно найти этого таинственного бригадира. Пока. *(Уходит.)*

Олег *(смотрит ей вслед)*. Что же это? Да или нет? И как это понять — «торопитесь»?! Значит — подождите, значит — надейтесь. Да, да, конечно. Олег, Олег, вот и приходит твоя пора. Но как я разволновался, просто озноб... До чего расшатана нервная система.

Входит Петя.

Петя. Не приходила сюда эта химичка?

Олег. Она будет работать вместе со мной и участвовать в соревновании против вас. *(Уходит.)*

Петя *(садится на стул)*. Мама дорогая, честное пионерское!

Входят Ирина, Костя, Двали.

Костя. Ты знаешь, я пришел к выводу, что Гоша влюбился.

Петя. Да ну! Вот новость! Нет, ^{малы} ~~позвольте~~, это ж свиство. Гошка наш выбит из колен, а ~~вещный~~ Олег превратился в кудесника, запонтовал себе эту неорганическую химичку и, как он сам рассказывал, начнет теперь трепетать нервами, ~~то есть~~ обгонит нас по всем показателям. Нет, это уж перелет. Пятьсот два процента перевыполнения.

Двали. Да, теперь, когда будет известно, что эта химичка контактуется с Олегом и как работник и как вообще, Гоша получит не очень много удовольствия. Все стало еще хуже.

Костя. Я предупреждал вас, ребята.

Петя. Так и пойду и разрублю этот гордиев узел. Я пойду и взгляну онасности прямо в глаза.

Ирина. Ты хочешь говорить с ней. Что же ты ей скажешь?

Петя. Я потребую от нее — или пусть она немедленно влюбляется в Гошку и сама объясняется ему в любви, или пусть ищет другую команду.

Костя. Какую команду?

Петя. Пожарную.

Ирина. Что ты привязался со своими пожарными? Ну согласись, что сейчас не до шуток.

Петя. Никаких шуток, я ей выложу все начисто, все обстоятельства.

Двали. Мне кажется, лучше я поговорю. Я внушительнее, чем ты.

Петя. Ты длиннее, но это не за счет развития головы.

Двали. Хотел бы я посмотреть, чтоб ты имел такую голову, как я.

Петя. Я играл бы ею в итальянскую лапту.

Двали. Разговаривать с тобой считаю лишним.

Петя. Правильно делаешь, такой разговор всегда плохо кончается для тебя. Ну, иду, ребята. Надо ковать железо, пока оно еще не село в свои сани, как сказал бы Ян Двали.

Двали. Я не сказал бы подобную глупость.

Петя. Так ты сказал бы другую. Господи, не дворцов я прошу у тебя, не имения с парком и конюшнями, мне не нужен миллион фунтов стерлингов. Помогни мне уладить это маленькое дело. (Уходит.)

Двали. Пренеприятное положение... Вообще, мне кажется, если посмотреть научно, любительство — это микроб.

Костя. Какое любительство?

Двали. А вот что у Гоши.

Костя. Любовь?

Двали. Шу да. Человек ходит вполне обоснованный, и вдруг что-то проникает. Он кружится головой, расширяет зрачки и начинает много странностей, как-то: записки, цветы, гуляние при сырости под луной, потеря веса. В обыкновенной разновидности человек вдруг открывает всякие экспортные великоленности: а) на глазах море, б) на щеках розы, в) на зубах всякие минералы. Ветеринар начинает становиться поэтом, а химик — меланхоликом. Это нельзя допустить. По-моему, можно найти место, где заводится этот микроб, и уничтожить его.

Костя. Что уничтожить?

Двали. Микроб, я же говорю.

Входит Петя. У него смущенный вид и блуждающие глаза.

Костя. Ну что?

Ирина. Ну говори же!

Петя. Ребята! Она действительно блондинка, но не в этом дело.

Двали. Что ты добился?

Костя. В чем же дело?

Петя. Дело в том, что она назвала меня дураком и надеется, что я составлю исключение в бригаде.

Двали. В этом она права. Дальше!

Петя. Ребята, я ничего не могу сказать, сами увидите. Она сейчас сюда придет, она в дирекции.

Костя. В общем, ты не добился ничего. Ну вот, я предупреждал.

Петя. Не в этом дело, ребята.

Ирина. Больше того, мне сдается, что и сам ты находишься в состоянии не лучшем, чем Гоша.

Петя. Не в этом дело. Я пойду умоюсь, ребята. (Уходит.)

Костя. И так, они оба. Что же это будет, Двали?

Двали. Дело окрашивается в трагический колорит. Для нас эта новая химичка приобретает характер классовой врагини.

Ирина. «Враг» не имеет женского рода.

Двали. Извини, на известном этапе это главный враг, женский род.

Ирина. Я не о том говорю.

Д в а л и. Если не о том, не делай мне замечаний. С ней поговорю я. Вы уходите. Пусть она придет, я объясню ей все и скажу про сплав. Она комсомолка, и она меня учтет. Я подавлю на нее своим авторитетом. Идите.

И р и н а. Лучше всего было бы поговорить мне.

Д в а л и. Нет. Вы сговоритесь за нашей спиной. Идите.

Костя, Ирина уходят. Двали ждет, приготавливаясь.
Через минуту входит уборщица Т о н я.

Здравствуйте.

Т о н я. Здравствуйте.

Д в а л и. Что ж, хотите работать у нас?

Т о н я. Да. Уже договорилась

Д в а л и. Вы будете нам заменять одного человека, он ушел от нас.

Т о н я. Да. Я знаю.

Д в а л и. Много работали в этой области?

Т о н я. Как родилась, так все в этой области.

Д в а л и. А-а, у вас, верно, и родители той же специальности?

Т о н я. Нет, только мать той же специальности, а отец по пожарному делу.

Д в а л и. Ага. *(В сторону.)* Вот отчего он все говорил о пожарных. Где работали?

Т о н я. Я еще научной сотрудницей не работала, а все больше по учреждениям.

Д в а л и. Гм... Знаете ли, я хочу иметь с вами кратенький разговор. Я хочу говорить с вами как представитель всей бригады.

Т о н я. Пожалуйста.

Д в а л и. Вы сами должны понимать, что в бригаде должен быть, я бы сказал, порядок.

Т о н я. Да, за этим надо следить.

Д в а л и. Каждый должен, так сказать, быть на своем месте.

Т о н я. А как же, обязательно на месте.

Д в а л и. Вы понимаете, обидно, если в такой дружной бригаде, какая есть паша, что-либо будет разбито

Т о н я. Правильно. Надо смотреть, осторожно обращаться. Это от человека зависит.

Д в а л и. Совершенно верно. Это зависит от вас.

Т о н я. Ну конечно от меня. Я свое положение знаю.

Д в а л и. Как, вы уже знаете?

Т о н я. Ну да, а как же. Со мной говорили.

Д в а л и. Я знаю, что говорили, но я не был уверен, что вам все передали.

Т о н я. Как же, все передали.

Д в а л и. Ну и как вы, я бы сказал, согласны?

Т о н я. А как же, идешь на работу, значит на условия надо соглашаться.

Д в а л и. Вы знаете, мне это очень приятно слышать. Значит, вы все уладите сами?

Т о н я. Ну конечно сама. Не беспокойтесь, я управлюсь. Все будет в порядке.

Д в а л и. Позвольте пожимать вам руку. *(Жмет ей руку.)*

Т о н я. До свидания.

Д в а л и. Нет, не в смысле до свидания, а в смысле очень вам благодарен. Но я еще должен вас предупредить насчет Петьки. Вы знаете, мне кажется, что он сам...

Т о н я. И насчет Петьки я знаю. Вы не беспокойтесь, я его так отошью, что он забудет об этом.

Д в а л и. Вот как. Ну, это великолепно. Значит, можно считать, мы договорились?

Т о н я. На все сто. Мне еще только инвентарь принять.

Д в а л и. Ну, это придет.

Т о н я. Придет, а пока нет. Схожу сама в контору, чтоб поскорей. Покамест. *(Уходит.)*

Д в а л и. Откровенно говоря, я начинаю понимать Гошу и Петьку. Глаза у нее голубые, как море, и на щеках такой румянец, как... гм... да. В общем, весьма симпатичная. Очень и очень. Исключительно прикладистая и уговорливая. Значит, она объяснится с Гошей. Если сказать по-честному — обидно, почему не со мной. Ну, раз уж такое положение, пускай будет Гоша. Однако кажется, что и я влез ей в душу.

Входит П е т я.

П е т я. У кого нашлась душа таких размеров?

Д в а л и. Молчи. Тебя отошью так, что забудешь об этом. Можешь идти, ты уже свободен.

П е т я. Что это значит?

Входят И р и н а, К о с т я.

К о с т я. Ну что?

Д в а л и. Конечно, если идет товарищ, прекрасно выступающий, но мало успевающий, и если для такого това-

рица голубые глаза дороже, чем металл,— такой товарищ не придет с чем. А честный представитель бригады имеет успех. Да, я уговорил ее. Это не было легко, но я так сказал что она убедилась. Я был решительный, и хоть она очень неукладистая и неговорчивая, я добился от нее все, что хотел.

Петя. Врешь. Как ты мог это сделать?

Двалн. Как? Мне помогла моя голова, обрати свое внимание, моя итальянская лапта.

Ирина. Ну расскажи подробнее.

Двалн. Представляйте себе. Вот я стою. Вот открывается дверь, и она входит.

Открывается дверь, и входит Наташа. Пемая сцена.

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

Солнечное утро. Двор. На заднем плане двухэтажная дача; она недавно покрашена, с правой стороны ее — веранда. Окошечко чердака под самой крышей закрыто занавеской. Петя выходит в трусах, с полотенцем через плечо, в руке у него рожок. Он потягивается, ежится под солнечными лучами, потом громко трубит. Почти сейчас же высовывается голова Двалн.

Двалн. Алло! Что надо делать?

Петя. Привинтить ноги, голову и идти купаться.

Двалн. Который час?

Петя. Утренний. (Трубит.)

Гоша (высовывается из другого окна). Что это такое?

Петя. Пожарный сигнал.

Гоша. Дубина!

Петя. Есть дубина, товарищ бригадир, вылезай купаться.

Гоша. Нет, я здесь умоюсь. Надо работать.

Петя. Бригадир, молчи. Мы уже условились сегодня не говорить о сплаве.

Гоша. Я не уславливался. (Скрывается.)

Олег (высовывает голову из чердачного окошка). Ну что это за свинство? Почему вы шумите в семь часов?

Петя. Правила внутреннего распорядка. Побудка в семь.

Олег. Но я всю ночь не спал.

Петя. Это тебе снилось, что ты не спал.

Олег. Тут страшная духота на чердаке.

Петя. Снизойди до нас, то есть спустись с чердака и спи с нами.

~~Олег. Я не могу спать с кем-нибудь.~~

Петя. Ну, тогда... (Замечает входящих Наташу и Тоню.) Нет, ничего не могу придумать. Здравствуй, Наташа.

Н а т а ш а. Такой чудесный день, Петька. Купаться идешь?

П е т я. Безусловно да. Олег, ты идешь?

О л е г. Мне нельзя купаться. Наташа, вы не простудитесь? Здравствуйте.

Н а т а ш а. Я простужусь? Здравствуйте.

Олег скрывается.

К о с т я (кричит за сценой). А-а... (Выскакивает, приплясывая и выделывая престранные движения.) А-а...

П е т я. Эге, Костык придумал новый танец. Постой, постой, как это? (Прыгает против Кости.)

К о с т я. Убирайся. Ай, ой!.. (Вертится, засунув руку сзади за трусы.)

Т о н я. Да что с вами? Может быть, помочь?

К о с т я. Нет-нет. Ой!.. Двали... Там... Ой!..

П е т я. Двали? Там? Не думаю.

К о с т я. Двали засунул туда черного таракана!

Д в а л и (входя). Сколько раз я говорил для тебя — не бойся насекомых, они друзья народа.

Т о н я. Так вытащите!

К о с т я. Ой, не могу достать.

П е т я. Сними трусы... Стой! Стой, погоди, не здесь. Иди сюда. (Уводит его за веранду.)

Д в а л и. Здравствуйте, Тоня. (Подходит к ней.) Заниматься будем сегодня?

Т о н я. Обязательно, после обеда. Я вчера, что вы мне задали, все прочла. И по химии, и по арифметике задачи решила.

Д в а л и. Ага, значит дело у нас подвигается.

Они отходят.

Н а т а ш а. Гоша! Гоша!

Г о ш а (высовывается, весь в мыле). Что?

Н а т а ш а. Да что ж ты в мыле?

Г о ш а. Ну что?

Н а т а ш а. Пойдем купаться.

Г о ш а. Нет не пойду.

Н а т а ш а. Ну я прошу тебя.

Г о ш а. Нет, не пойду. (Скрывается.)

Н а т а ш а. Упряма как бык.

И р и н а (высовываясь). Ребята, скорей. Я уже все поставила. Если будете волюнтерить — остынет. (Скрывается.)

П е т я входит вместе с Костей.

П е т я. Марш, марш. Догнавший меня заносится на красную доску. Алле-гоп! (Убегает, все за ним.)

За сценой звучит его труба.

Входит О л е г. Рассеянно бродит по двору.

О л е г. Как нелепо все складывается! Бывает же такая неудачливая судьба у человека. От болезни прячешься, девушку ищешь. Болезнь найдешь, девушку потеряешь. Все как-то наоборот получается. Как посмотришь назад, что бы мог сделать и не успел, — так руки опускаются и дальше ничего делать не хочется.

И р и н а выходит на веранду с посудой, смотрит на Олега.

(Срывает цветок.) Любит — не любит, любит — не любит, любит — не любит. Фу, как глупо. (Бросает цветок.)

И р и н а. Ну что, любит?

О л е г (резко и испуганно оборачивается). Ах, это ты, Ира? Да ведь я шутил.

И р и н а. Ты б почаще шутил, а то все ходишь темный какой-то. Как покойник.

О л е г. Покойники не ходят.

И р и н а. А если б ходили, то, наверное, как ты. Ты знаешь, смотрю я на тебя — и ужасно тебя жалко.

О л е г. Меня? Жалко? Оставь, пожалуйста. Я не нуждаюсь в жалости. Поставь посуду.

И р и н а. А ты помоги мне.

О л е г (колеблясь). Ну, пожалуй... (Подходит к Ирине и во время дальнейшего разговора расставляет с ней посуду.)

И р и н а. Попробуй ты просто жить. Хочешь есть — вот, возьми тарелку и ешь. Хочешь пить — вот стакан, пей. Ты все рассуждаешь о своих чувствах, вместо того чтобы чувствовать. Смотри, вот ребята, — они бодрые ребята. Инженеры по квалификации, комсомольцы по духу. Радостно живут, видишь — купаться пошли. А ты все в перчатках ходишь. Ты и сам будто в перчатке живешь. Ты бы спортом занялся.

О л е г. Мне нельзя.

И р и н а. Почему?

О л е г. Я болен.

И р и н а. Да ничем ты не болен. Ну посмотри на себя. Просто ты сам сочинил свои болезни.

О л е г. То есть как — сочинил? Я не болен? А сердце? Да у меня каждую ночь тут так подпирает, что я должен себе... У меня же колит.

~~И р и н а. Н-же колита у тебя нет. Ничего нет.~~

О л е г. Да это просто свинство с твоей стороны. Как тебе не стыдно? Нарочно раздражаешь меня. Вот видишь, руки дрожат.

И р и н а. Ну, не сердись. Я ведь хочу, чтоб ты был здоровым.

О л е г. Упрощаешь, Ирина. Если б все дело было в здоровье, жить было бы очень просто и глупо. Жеребята тоже резвятся и тоже веселы. Я болею, но, честное слово, я даже рад этому. Больной человек мыслит тоньше и чувствует острее. Все великие люди были больны.

И р и н а. А если б они были здоровы, они были б менее велики?

О л е г. Прimitивная философия у тебя.

И р и н а. Плохо тебе жить — неуютно, холодно.

О л е г. Остыло все, Ирина, остыло все.

Появляется с компанией Петя.

П е т я. То есть как — остыло? Каких-нибудь десять минут — и все остыло?

И р и н а. Да нет, он шутил. У него просто хорошее настроение, и он шутил. Мы с ним стол накрыли!

П е т я. Вот за это спасибо. Садись!

Рассаживаются.

Д в а л и. Налей чаю, Петя.

П е т я. Охотно. Тебе с молоком или без молока?

Д в а л и. Без молока.

П е т я. Без кипяченого или без топленого?

Д в а л и. Без топленого.

П е т я. С кипяченым, стало быть?

Д в а л и. Погоди, как это? Мне просто без.

П е т я. Только без?

Д в а л и. Ну да, только без.

П е т я. На. *(Подает ему пустой стакан.)*

И р и н а. На тебе чаю, Двали. Все ты балуешься, Петя. А где же Гоша? Гоша! Гоша! Я схожу за ним. *(Уходит.)*

Н а т а ш а. Ужасно хорошо! Какая вода холоднющая! *(Петя.)* Ну что, догнал?

П е т я. Ну да... когда ты ныряешь.

К о с т я. И ты бы нырнул. Нет, Петя, побиты твои рекорды.

П е т я. Молчу. Дай-ка мне эту чертовщину.

К о с т я. Это сырники.

П е т я. Спасибо, я думал — арбуз.

Н а т а ш а. Все-таки ты здорово плаваешь, но я родилась у речки.

П е т я. Ты меня не утешай, не хвали. Еще померяемся.

Д в а л и. И Тоня замечательно плавает.

П е т я. Это факт.

К о с т я. А я?

П е т я. Ты — тоже факт.

К о с т я. Я спрашиваю, плаваю как?

П е т я. Плаваешь? Как Большой театр.

Входит Ирина.

И р и н а. Гошка не идет, сел опять за работу. Есть ему не хочется, он говорит.

Н а т а ш а. Я отнесу ему. Положи-ка, Ирина.

О л е г. Вы понесете ему еду, хоть он отказывается идти?

Н а т а ш а. Да. А что?

О л е г. Ничего. *(Встает и уходит в сторону реки.)*

Наташа берет стакан с мороженым и еду, поднимается вверх.

П е т я. Ребята, я хочу поговорить о Гошке. Ведь дело плохо.

И р и н а. Хорошо, что мы хоть сегодня вытащили его сюда.

П е т я. А что толку? Все равно сидит, как памятник, не отрывается от книги. И ночью сидит.

К о с т я. Он слишком близко принимает к сердцу, что сплав пока не ладится.

П е т я. Мы все близко принимаем к сердцу, но Гошка не такой парень, чтоб после восемнадцати дней работы выйти из нормы.

Д в а л и. В чем же дело? Наташа, как заметно, ни при чем — он от нее пятится.

И р и н а. Вот потому и пятится, что при чем.

П е т я. Мы думали, он работать из-за нее не будет, а его канатом не оттащишь. Наоборот подействовало: занемается, как проклятый. Но от этого не легче. Я вам говорю, ребята, через несколько дней он свалится.

Д в а л и. Где же гвоздь ответа?

П е т я. Вот он идет.

Входит Н а т а ш а.

Н а т а ш а. Я поставила перед ним еду.

П е т я. Ему мало?

Н а т а ш а. Да он и этого, сказал, не хочу.

П е т я. Другая ему пища нужна, другая. Ты это крепко пойми.

Н а т а ш а. Мы ведь побеседовали с тобой на эти темы в день моего прихода. Ты помнишь, что я тебе сказала?

П е т я. Нет, нет, забыл.

Д в а л и. Ничего, мы помним, что ты ему сказала.

Н а т а ш а. Вы, кажется, условились в волейбол играть после завтрака и Гошку вытащить.

К о с т я. Верно. Я принесу мяч. *(Идет на дачу.)*

Входит О л е г.

Д в а л и. Олег, волейбол.

О л е г. Мне нельзя играть в волейбол.

И р и н а. Ну, почему это?

О л е г. Сердце.

Н а т а ш а. Да перестаньте вы, становитесь.

О л е г. Вы просите меня об этом?

Н а т а ш а. Вы же слышали...

О л е г. Хорошо, я играю.

П е т я. Вот и капитана нашли. Эй, соседи! Волейбол! Волейбол! Костя, мяч!

Через забор из соседней дачи перелезают двое ребят и одна девушка.

Как спали?

Д е в у ш к а. Лежа.

П е т я. А сколько спали?

Д е в у ш к а. Сколько легло, столько и спали.

П е т я. Сон, я спрашиваю, какой был?

Д е в у ш к а. Пароход снился.

Д в а л и. Что, Петя, нашла коза на камень?

П е т я. Спасибо. Становись! Костя, мяч!

Н а т а ш а. Гоша! Гоша!

Г о ш а высовывается.

Иди в волейбол играть.

П е т я. Гошка, ты же любишь.

Г о ш а. Нет, ребята. Тут я с немецкого перевожу, опыт Кроля... Я не могу.

П е т я. Гошка, три пятидневки мы работали по тринадцать часов, а ты сидел и ночи. Два выходных мы провели в лаборатории. Обязаны мы отдохнуть или нет?

Г о ш а. Вы отдохайте, ребята. Он, понимаете, плавил с солью. Я потом приду.

П е т я. Гоша, дорогой бригадир! Смотри, я стал на колени, как сукин сын, как Ромео перед Джульеттой. Не расстраивай свою команду и в полном и в переносном смысле слова — иди играть в волейбол.

Г о ш а. Вы поиграйте, а я потом выйду. *(Скрывается.)*

П е т я. Как же так, ребята? Нельзя же ведь так.

И р и н а. Эх, Гошка, Гошка!

Н а т а ш а. Давайте играть. Кто с кем? Да где же мяч?

П е т я. Где? Костя за ним пошел. Костя!

К о с т я вбегает с мячом.

Слава богу. Мы с тобой, Наташка, Костя к нам. Остроуменькая, иди туда, и ты, парень. А ты, Двали, собирай себе. Олега возьми.

Д в а л и. Приготовьтесь на проиграние. Становись!

П е т я. Я желаю вам добра, ребята, и по-товарищески говорю — сдавайтесь. Это можно до начала игры.

Д в а л и. В библии сказано: «Не пожелай жены своей ближнему своему».

И р и н а. Там не сказано так, Двали.

Д в а л и. Там сказано.

К о с т я. Становитесь, становитесь. Не беспокойся, Двали, оторвем!

Д в а л и. Что значит — оторвем? У меня нет ничего лишнего.

И р и н а. А кто судья?

П е т я. Я могу и посудить заодно.

И р и н а. Ни в коем случае, знаем мы этих судей.

П е т я. Тогда некому. Погоди, вон идет кто-то. *(Кричит.)* Эй, гражданин, не посудите волейбол?

П о с т о р о н н и й г р а ж д а н и н *(за сценой)*. Па-жа-луй-ста. *(Входит. Он в трусах, белой рубашке с воротничком и галстуком, на голове повязано в виде чалмы полотенце.)* Па-жа-луй-ста. Кто против кого играет? Впрочем, это станет ясно по ходу действия.

П е т я. Свистка нет, но вот, если хотите, рожок.

Посторонний гражданин. Рожок... Очень хочу рожок... Именно рожок... товарищи.

Петя (дает рожок). Вот. Можно начинать?

Посторонний гражданин. Па-жа-луй-ста. Сделайте одолжение. Прошу вас. А где же ваши ракеты?

Наташа. Ракеты? Да мы в волейбол играем. Вы знаете эту игру? Вы можете судить?

Посторонний гражданин. Я? Знаю ли игру? Я за эту игру имею жетон. Могу сходить за жетоном. (Поднимается.)

Двали. Мы вам верим. Давайте сигнал.

Петя. Не спорить с судьей. Начали.

Посторонний гражданин. Па-жа-луй-ста. (Трубит.)

Петя. Начали. (Подает мяч, идет игра.)

Двали. Так. Олег! Да что ты, спишь?

Олег. Нет, я задумался.

Петя. Задумываться иди в другое место, а здесь играй. Даю.

Двали. Третий, давай, не бей прямо.

Петя. Так. Есть. Даю. Костя!

Костя бьет четвертый мяч.

Корыто!

Костя. Я ж отбил.

Петя. Что ты отбил? Ты третий опоздал ударить, так четвертый бьешь. Четвертый не играет. Усвой.

Двали. Тоня!

Тоня дает ему мяч, и он гасит его.

Петя. Черт длинный.

Двали (судье). Счет?

Посторонний гражданин. Да, счет. Правильно.

Ирина. Какой счет?

Посторонний гражданин. Латинский.

Петя. Что латинский?

Посторонний гражданин. Алфавит.

Петя. Да что вы, гражданин, разыгрываете нас, что ли?

Посторонний гражданин. Не спорить с судьей. (Трубит.) Я жетон имею. Начали.

Двали. Странно. Подавай!

Олег подает. Мяч не долетает до сетки.

Крепче стой на земле! Пободрей! Переход!

Посторонний гражданин. Правильно! Наташа. Даю!

Двали гасит, но Наташа падает и спасает мяч.

Петя. Что, Псаакневский собор, взял?

Тоня. Аут.

Костя. Не было. Пять метров до аута. Судья.

Посторонний гражданин. Правильно!

Костя. Что правильно, аут или нет?

Посторонний гражданин. Вот это как раз спорно.

Петя. Спорный. Судья говорит — спорный. Подача! Налево мяч!

Играют.

Наташа. Третий!

Посторонний гражданин (трубит). Направо мяч.

Петя. То есть как — направо? Почему?

Посторонний гражданин. Не спорить с судьей! (Трубит.)

Ирина. Передайте мяч, подчиняйтесь судье.

Посторонний гражданин. Подчиняйтесь судье! Переход.

Двали. Какой переход?

Посторонний гражданин. Вы переходите на ту сторону, а они на эту. Ну, не спорить с судьей! Подчиняйтесь! (Трубит.)

Петя. Ребята, да он пьян, как поп. Дядя, отдай рожок и иди купаться.

Посторонний гражданин. Подчиняйтесь! Переход. Жетон имею.

Петя (берет его под руку и выводит). Иди, иди, дядя жетон. Переход! Скажи спасибо девушкам, а то б я прочел тебе латинский алфавит. Подчиняйся!

Посторонний гражданин. Па-жа-луй-ста! Вы думаете, я не могу уйти? (Кричит.) Переход! (Уходит.)

Костя. Всегда ты выдумашь что-нибудь немыслимое. Ну на какой ляд ты притащил этого журавля?

Петя. А что? По-моему, неплохой судья. Жетон имеет. Наташа. Я сужу. Начали.

Играют. Двали гасит мяч.

Д в а л и. Восемь — три.

П е т я. Первый раз вижу каланчу, которая сама гасит.
Под сеткой мяч.

Д в а л и. Девять — три.

Играют. Петя падает и спасает мяч, но Костя поздно ударяет, и мяч попадает в сетку.

П е т я. Каналья! Какой мяч! За такие вещи надо гнать из комсомола.

Т о н я. Ой!

К о с т я. Налево мяч.

Бросок.

П е т я (подает). Внимание, мировая подача. Держи, Олег!

Олег смотрит в это время на Наташу, упускает.

Десять — четыре. Держи, Олег!

Олег после удара хватается за сердце и поэтому опять упускает.

Из тебя такой же волейболист, Олег, как из меня повар.

Т о н я. Да что вы, ей-богу, такой неспособный?

О л е г. Ну, знаете ли, я брошу играть.

Н а т а ш а. Перестаньте, Олег. Кто же виноват, что вы мажете? Да снимите вы ваши перчатки.

О л е г. Что вы, мяч на землю падает.

Н а т а ш а. А, пустяки все это. Тоня права, вы просто неспособный, Олег.

О л е г. Я неспособный? Хорошо!

П е т я. Держи, Олег!

Олег яростно отбивает мяч.

Держи, Олег!

Петя бьет на другой конец площадки, но Олег, расталкивая всех, летит туда и принимает мяч.

Д в а л и. Bravo, Олег! Смотрите, он летает как лев.

Т о н я. Только не толкайтесь, вы не легонький.

П е т я. Держи, Олег.

Олег снова принимает невозможный мяч, и мажет уже сам Петя.

Д в а л и. Дотрепался.

Н а т а ш а. Подача!

Играют. Двали подряд гасит несколько мячей.

К о с т я. Не везет.

Д в а л и (гасит). Сетбол или, как говорят, вылетаюбол. Олег, подавай.

О л е г (стоит с испуганным лицом, считает пульс).

Я не могу.

П е т я. А что?

О л е г. Я бегал, мне ведь нельзя, я совсем забыл.

Н а т а ш а. Смелей, Олег!

И р и н а. Ты кулаком ударь.

О л е г (берет мяч, смотрит на него). Нет, не могу.

И р и н а. Дайте, я за него. (Бьет.)

П е т я. Молодец! Костя!

Д в а л и. Тоня!

Н а т а ш а. От сетки.

Д е в у ш к а. Там.

П е т я. Получите.

Двали гасит сильным ударом. Петя падает, но не отбивает мяч. Лежит.

Д в а л и. Вот, не пожелай ближнему своему жены своей — я тебе говорил.

П е т я. Молчи, ты, хеопсова пирамида, не все высокое есть возвышенное. Любой телеграфный столб будет играть лучше тебя. Техником ты нас побил? Извини, физиологией. Пользуешься тем, что тебя нельзя догнать и перегнать.

Д в а л и. Как или так, а я тебя побил.

П е т я. Побил? Меня? Ты? Становись, сыграем в шмеля.

Д в а л и. Как это?

П е т я. Становись, Олег.

О л е г. Я? Мне не...

Н а т а ш а. Бойтесь?

О л е г. Я — боюсь? Вот встал.

П е т я. Видите, надеваю картуз.

Д в а л и. Да, надеваешь картуз.

П е т я. Клади руку так. Вот, я — шмель. Понимаешь, шмель. Зу-зу-зу. Я буду бить вот так, а вы должны сбросить картуз. Но в одно время, понял?

Д в а л и. Пожалуйста.

П е т я. Начинаем. Представь себе поле. Тут тебе солнышко, травка, василечки, и вдруг: зу-зу-зу-зу. Трах! (Бьет по руке Двали.)

Двали и Олег хотят сбить картуз, но не успевают, потому что Петя чрезвычайно ловко увертывается.

Шмель с травки полетел на заправку! Трах! (То же.) Трах! (Бьет Олега.) Тут и бабочки и птички, а он все: зу-зу-зу-зу. Трах! (Бьет Двали.) Трах! (Бьет Двали.) Трах! (Бьет Двали.) Не скучай, Олег! (Бьет Олега.) Зу-зу-зу. (Бьет Двали.)

Все хохочут.

Двали. Вот пес собачий.

Петя. Ужасно, Двали. Зу-зу-зу. Тоня, вы с ним химией занимаетесь, ничего, рост не мешает. Трах! (Бьет Двали.) А в кино будет звать — не ходите. Имейте в виду, сядет в кресло, а все думают — он стоит, и кричат: «Сядьте!» (Бьет Двали.) А когда он встанет, администратор бежит, думает — он на кресло стал. (Бьет Двали.) Зу-зу-зу. (Бьет Двали.) А вот картуз сбить не может. Почему? Росту не хватает. (Бьет Двали.)

Двали. Невозможно.

Наташа. Дай-ка я стану, Петя.

Петя. Ой, жалко бить.

Наташа. А ты не бойся.

Ирина. Не надо, Наташка, исколотит.

Наташа. Ладно. (Становится вместо Двали.)

Петя. Ах, Наташка! Ну что за девочка! И в химии нам класс показала и плавает хорошо. (Бьет Наташу.)

Наташа не пытается ударить Петю, а зорко следит за его движениями.

А шмель-то летает. (Бьет Олега.) Зу-зу-зу. (Бьет Наташу.)

Олег. Довольно Наташу. Перестань. Он ведь на самом деле бьет.

Наташа. Слушайте вы, адвокат, вы не вмешивайтесь.

Петя. А что? Тебя бить? Жди очереди. Сейчас по розовому талону отпускают. (Бьет Наташу.) Да ты не стой, так стоять будешь — я тебе руку отобью. Маленькая у тебя ручка, Наташка. (Бьет Наташу.)

Наташа одновременно сбивает с него картуз. Все хохочут и аплодируют.

Честное слово, за три года — ты первая. Можно, поцелую?

Наташа. В щеку.

Петя (целует Наташу). Золото!

Костя. Как ты его?

Наташа. Так это очень просто. Вы все время пытаетесь сбить его по движению, а надо напротив. Вы так бьете, а надо так. Потом, ведь я летчица.

Олег. Как — летчица?

Наташа. Управляю машиной. Ну, что ж Гоша? Ирина. Гошенька! Гоша! Мы тебя ждем. Если не придешь, играть не будем.

Ждут, Гоша не показывается.

Петя. Нет, не пойдет. У меня есть план, ребята.

Ирина. Опять твои планы.

Петя. Честное пионерское. Вы только поддержите. Ручаюсь, что от занятий я его оторву. Двали, ты поможешь мне.

Двали. Я — за.

Петя. Прика, иди выгони его вниз, скажи, что комнату убирать надо. Ну, на пять минут, скажи. А вы идите, ребята.

Соседи уходят. Тоня и Костя садятся играть в шашки.

Иди, Двали, я объясню тебе.

Ирина уходит вверх. Петя и Двали отходят в сторону.

Олег. Хотите пойти погулять, Наташа?

Наташа. Подождем всех.

Олег. Мне не нужны все, я хочу пойти с вами.

Наташа. А вы всегда только со своими желаниями считаетесь?

Олег. Вы совсем не хотите видеть меня.

Наташа. Ну не раскисайте, ради бога. Пойдемте.

Уходят. С лестницы спускается Гоша с книгой, тетрадью и словарем. Он видит уходящих Наташу и Олега, бешено ерошит волосы, однако устранивается около веранды. Читает, пишет. Петя и Двали подходят к нему.

Петя (очень серьезно). Гоша, я тебя спросить хотел. Трактороцентр если например картонка с вазелином под углом сорок градусов параллеленная трехгорный а ветер с моря тогда мальчик закрывает ворота потому что мотив другой если двадцать два этажа с покрывкой хорошо бы конечно бинном Ньютона в то время почему же это?

Гоша. Что? Что такое?

Петя (так же серьезно). Я говорю плачь не плачь касторового масла нет там веретена на шпульках а тут была украинская ночь прозрачны звезды казалось бы ему выговор записать но поэт роиает молча пистолет и рельсы разобрали вот она вылетела лошадь и хлороформу нажралась посте-

пенно ввинчиваясь по билетам потому что тогда шар. Как ты считаешь?

Гоша. Подожди, подожди. Что ты говоришь такое? Я ничего... Ты понял, что он говорит, Двали?

Двали. Конечно. Она же на стенке висит.

Гоша. То есть как — висит, кто висит? *(Встает.)* Погодите, ребята... Что такое?.. Ну-ка, повтори, что ты сказал?

Петя. Да брось ты, Гошка, я тебя два раза подряд спрашиваю о самой простой вещи, а ты делаешь вид, что не понимаешь. Ты можешь заниматься, пожалуйста, но зачем это хамство? Почему ты не хочешь ответить?

Гоша. Да, ребята, честное слово, я не понял. Внимательно слушал и не понял.

Петя *(подмигивает Двали, но так, чтобы Гоша видел)*. Да ну... Вот говорил я тебе — перезанимается.

Двали. Между прочим, если дальше так будет, это может кончиться сшествием с ума. Это очень плохой признак. А ты, может, уловил общий смысл?

Гоша. Да нет, вот как раз общий смысл я не мог уловить. Отдельные фразы... Какая-то лошадь нажралась хлороформа.

Петя. Лошадь?!

Двали. Да-а...

Петя *(хватает книги)*. И думаешь, я позволю тебе дальше заниматься?

Гоша. Нет-нет, я сам отдохну. Очень странно.

Петя *(кричит)*. Ура! Ура! *(Хватает рожок и трубит.)*

Наташа *(вбегает)*. Что такое?

Петя. Гошка с нами.

Наташа. Вот чудесно. Тогда — гулять. Пойдем, Гоша.

Гоша. Нет, я не пойду.

Наташа. Почему ты такой упрямый? Ты что, нарочно не делаешь того, что я прошу?

Гоша. Нет.

Наташа. Ну, давайте в волейбол, что ли. Столпились, как стадо у водооя. Ну!

Входит дворник.

Дворник. А я привез. Грузовик дали.

Петя. Да ведь он же за деревьями ездил. Мы ж парк вокруг дачи сажаем. Булонский лес. Все на субботник!

Костя. Огорвем! А лопаты?
Дворник. Лопаты — вон в сарайчике.

Двали пошел за лопатами.

Наташа. По два человека на дерево. Мы с Гошей.

Гоша. Нет. Нет, я с Ириной.

Ирина. Нет, уж ты с Наташей.

Наташа. Да нет, пожалуйста, пусть сажает с кем хочст. Пегя, ты будешь со мной?

Петя. Ура!

Двали *(приносит лопаты)*. Я буду сажать дерево с Тоней.

Петя. Нет, уж давай порознь: отдельно Тоню, отдельно дерево.

Двали. Не обращайтесь внимания, Тоня. Вот вам лопата.

Петя. Смотри, подносит, как букет. Вот тебе и занятия по математике. Этак, пожалуй, он скоро дойдет до анатомии.

Наташа. Тебе все надо.

Петя. Все мне надо. Ей-богу, все, и никак не меньше.

Ирина. Олег, мы с тобой.

Олег. Спасибо, я не буду.

Костя. Почему? Ведь тень будет, зелень.

Олег. Я не буду тут жить. Мне не нужны ни тень, ни зелень.

Петя. Так ведь мы будем тут жить.

Олег. Разве я мешаю вам работать?

Тоня. Очень даже нехорошо так рассуждать.

Олег. Вы, знаете ли, меня что-то все время учите, товарищ уборщица. Вы избавьте меня от вашей опеки.

Двали. Не обращайтесь к нему, Тоня. Лысый голодному не товарищ.

Костя. Да. У всякого своя философия.

Петя. Это — философия? Завтра повар перестанет готовить пищу, скажет — всего не съем, сапожник бросит работу, скажет — у меня ботинки целы, а шахтер вылезет на-гора — мне тепло. Это ж не философия, а свинья под дубом.

Олег. Они работают на других, потому что получают деньги.

Петя. Так тебе что — заплатить?

Олег. Вы хотите меня обидеть? Пожалуйста, могу сажать деревья.

Костя. Нет уж, одолжений не надо.

Ирина. Ну пусть поработает. На лопату, Олег. Удивительно, какой ты не простой.

Дворник. «Не простой», «не простой». То есть как — не простой? Грузовик ждет, стало быть простой. Берите деревья!

Двалин. Я — за. Тоня, пойдете.

Петя. Темпы! *(Бежит.)*

Все идут за ним и приносят на плечах молодые деревья, которые ставят к забору, кладут в угол.

Не отставай, Наташка.

Двалин *(приносит дерево)*. Дайте помощь, Тоня. Видите, я могу нести два дерева.

Петя *(проходя)*. Два ли?

Двалин. Что?

Петя. Ничего, я говорю, два ли дерева можешь нести? Может, три? Хотя едва ли.

Двалин. Что?

Петя. Да ничего. Я говорю, едва ли Двалин три дерева унесет.

Двалин. Болтлог!

Ирина. Тебе не помочь, Олег? Тебе тяжело?

Олег. Нет, спасибо, я дотащу как-нибудь. Сучья почему-то бьют по ногам.

Ирина. Дай я возьму. *(Берет у него дерево.)* Вот так.

Петя. Ай, ребята! Смотри, какую березку тащу. Легонькая, как Наташка. Гоша, смотри.

Гоша. Ладно.

Наташа. Бирюк. У нас вот в Сибири бирюки такие, как ты.

Гоша молчит.

Петя. Всё. Бригады, по местам. Победителям — орден красного бирюка. Сажать вдоль забора. Расстояние — три шага человеческих и один Двалин. Ну-ка, каланча, пройди.

Двалин шагает вдоль забора. Петя лопатой оставляет знак после каждого его шага. Все берут лопаты, роют углубления, сажают деревья.

Дружной. Двалин, не закопай ногу вместо дерева. Гошка-то роет, мама дорогая!

Ирина *(Олегу)*. Ты только сажай, а я сама рыть буду. Донесешь дерево?

Олег. Донесу.

Наташа. Ах, хорошо, ребята. Славно! Петька, шевелись.

Петя. За мной дело не станет, чушка.

Наташа. Что это еще за «чушка»?

Петя. Ласкательное от девчушка. Можно?

Наташа. Девчушка? Можно. Гоша, это хорошо — девчушка?

Гоша. Не знаю.

Двалин. Вы не устали, Тоня?

Тоня. Что вы, я к работе очень привычная.

Петя. Навались, навались, ребята. Конец! Готово!

Гоша. Вот черт! Опоздали. Я хотел раньше успеть.

Костя. Так ты ведь со мной работал. Уж я знал, что опоздаем. Это у меня в крови.

Гоша. Ну ладно. Вот сейчас купаться.

Ирина. Что вы, ребята, сейчас разгоряченные все. Посидим пять минут.

Петя. Вольно! Закурить, оправиться!

Костя *(Пете)*. Дай папироску.

Петя. Надолго тебе?

Костя. Как — надолго? Навсегда.

Петя. Навсегда? Ну, возьми. Значит, чтоб до конца жизни не просил. А сладко закурить! Это ж замечательно, до чего приятная усталость.

Ирина. Да ты ляг, Олег, отдохни.

Олег. Мне нельзя ложиться на землю.

Петя *(Олегу)*. Неужели у тебя нет радости самой работы? Это ж великое дело — труд.

Олег. Я не люблю сажать деревья, которые не дадут мне тени.

Костя. Так ты же можешь приезжать сюда, пожалуйста.

Олег. Господи, как вы все упрощаете. Да не об этом я говорю.

Гоша. Ты не любишь сажать деревья, которые дадут плоды только в будущем?

Олег. Если хочешь. Я не желаю работать для того, кто родится через тридцать лет после моей смерти. Дерево будет жить и давать тень, а где буду я?

Петя. А когда ты идешь в парк, ты думаешь о тех, кто посадил деревья?

Олег. Нет, и о тех не думаю. Зачем?

Петя. Но если б те тогда не посадили, ты б не пришел в парк, ты б ходил по голой земле.

Олег. Ах, и они думали только о себе. Они думали дожить. Я не верю в детскую сказку о том, что кто-то думал обо мне. Поверь, даже наши родители думали не о нас, когда давали нам жизнь, а о себе и о своих любовных утехах. Что же говорить о других?

Петя. Нет, врешь. Другие думали. Когда шли сибирским трактом в шестьдесят градусов мороза с железом на руках, думали о нас. Когда сидели по тридцать лет в каменных ямах, думали о нас. В последние минуты думали о нас. И я не забуду, я живу, я дышу, я ворочаю. А когда мы сделаем что-нибудь уж больно хорошо, я так тихонько говорю: «Вы слышите, родные мои, вы видите, родные мои?» Эх!..

Олег. Но ведь революция сделана. Почему же и теперь должны мы думать о ком-то? Ведь за нас, ты говоришь, погибали люди. Почему у нас трудности?

Петя. Что ты понимаешь?! Трудность — это великое дело.

Костя. Что? Ну, это уж ты зарпортовался.

Петя. Время без трудностей растит маменькиных сынков. Фронт, разруха дали своих героев. Если б нам не жевать, не глотать, только брови поднимать, были бы мы бойцы за весь мир?

Наташа. Я согласна с Петькой.

Олег. Вот — бойцы за весь мир. Мы взвалили на себя ответственность за все. Нас все беспокоит: и испанцы, которые жгут монастыри, и восставшие матросы на голландском броненосце. Я хочу думать о себе, а меня заставляют думать о телке для бескоровного колхозника. Меня тяготит чувство ответственности. Я не хочу думать о голландцах.

Петя. А можешь ты понять, когда самое замечательное — это делать для себя и для всех? Ты пойми крепко. Вот мы работаем, и по нашим успехам оценивают нашу страну. Ты можешь это понять? Как тебе втолковать, дура ты?

За сценой трубят труба и бьет барабан.

Да вот они объяснят тебе. Это наши из института У них лагерь рядом. Я с ними беседы у костра провожу. (Кричит.) Ко мне, друзья, ко мне, подшефные!

Пионеры входят, окружают Петю.

Звеньевой. Мы по пути в колхоз зашли, Петя; там у них что-то с ремонтом тракторов не ладится. Ну как у вас с бериллием? Мы о вашей работе у себя на собрании обсуждали: если нужно, можем оказать помощь.

Петя. Спасибо, будущие ученые. Дело подвигается. Надеемся скоро рапортовать вам. Пока только одна просьба. Вот перед вами экземпляр, для которого на свете дорог только один человек — он сам. Разъясните ему смысл жизни, втолкуйте ему основы основ.

Звеньевой (подходит к Пете, подмигивает в сторону Олега и спрашивает понимающе). Уклонист?

Петя. Да нет. Ему даже не от чего уклониться.

Звеньевой. А-а. (Подходя к Олегу.) Что ж ты, брат, а?

Олег. Ну, идите, идите, дети, играйте.

Звеньевой. Что, спасовал? Говорить не хочешь?

Олег. Да идите вы. О чем я могу говорить с вами серьезно?

Звеньевой. Если не можешь серьезно, говори как умеешь.

Смех.

Олег (вскочил, идет к даче). Все твои шутки, Петя.

Петя. Удираешь, ретируешься, отступаешь в панике! Вы уже победили, будущие вожди. Кто считает, что противник расстроен, разгромлен и обращен в бегство, садись. Поговорим о сплаве.

Все пионеры садятся. Только самый маленький остается стоять.

Ага, ты не садишься! Что ж ты стоишь, несчастный? Ты на его стороне? Ты — представитель чуждого мира в нашей среде! Ты стоишь как вызов нам! Что же ты стоишь?

Пионер. Я потому стою, что я не могу сесть — у меня на заде фурбункул.

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

Вечер у реки на пригорке. Большое дерево. На заднем плане видна дача. Другой берег реки отлогий. Там поля, и вдалеке деревушка. За сценой время от времени звучит музыка — это шумовой оркестр под управлением Пети готовится к выступлению. Наташа сидит, прислонившись к дереву, Олег ходит перед ней.

Наташа. Какой вечер ладный. Мечтательный какой-то. Что вы все тащите меня от ребят?

Олег. Если не вдвоем с вами, я предпочитаю быть один.

Наташа. Это очень тяжело — быть одиноким.

Олег. Мне одиноко, когда я среди многих.

Наташа. Вы не знаете настоящего одиночества. Я родилась в Сибири, в деревне, в тайге. Самым жутким днем было воскресенье, когда не работали. Как сейчас помню жаркий летний полдень. Длинная-длинная улица, ставни закрыты, все спят, и я одна, затерявшаяся в лесах девчонка.

Олег. Это лучше, чем быть затерявшейся в толпе.

Наташа. В толпу я попала впервые в Москве, в октябрьские дни. Я бродила по улицам как пьяная. Это огромное чувство — быть связанным с сотнями тысяч незнакомых людей одной радостью, одним горем, одной мечтой.

Олег. Я хочу иметь свою мечту. Когда мне говорят — встань, из чувства протеста я хочу остаться сидеть. Во время общего веселья мне может быть грустно. Не заставляйте меня смеяться, когда мне не смешно.

Наташа. Чудак вы. Так ведь это моя мечта, мечта всех. Она — мечта всех и мечта каждого. Однажды в клубе я увидела большой голубой плакат. На нем был изображен земной шар и аэропланы, летящие за ним, маленькие, большие — целая эскадрилья. Я затрепетала, не знаю по-

чему, и прочла: «Не кажется ли вам, что сбылась Икара гордая мечта?» И я сказала себе: «Я буду летать», — а потом, когда стала учиться, решила: «Нет, только летать — мало. Я буду строить аэропланы».

Олег. Как вы научились летать?

Наташа. Вы знаете, я страшно завидовала мальчишкам. Я бегала с ними, дралась, плавала, и хоть не отставала — они все равно во всем старались показать свое превосходство. Во всем. Потом, когда стала старше, мужчннам завидовала — до слез. Ей-богу. Но вот, когда я первый раз сама, без инструктора, повела машину в воздух и когда машина, подчиняясь мне, набирала высоту, тогда я сказала: «Шалите, ребята! Ну-ка, догоняйте!»

Олег. Наташа!

Наташа. Что?

Олег. Наташенька!

Наташа. Да что вы хотите?

Олег. Наташа, я не могу жить без вас! Все мои мысли только о вас. Я отсиживаю свои часы в лаборатории, но ничего не успеваю. Они все работают, отдыхают. Для меня отдых мучительнее труда, а труд стал мучением. Я ведь на соревнование их вызвал, а вот ничего не делаю. Вы представляете, каково это мне? И ужасно жаль себя. Ну, Наташа...

Наташа молча смотрит на него.

Ну, Наташа, ну скажите что-нибудь. Ведь я на дачу поехал... Мне так хочется, чтоб взгляд ваш всегда искал меня, чтоб вы улыбались моим словам, чтоб ваша рука, будто невзначай, касалась моей. *(Садится около нее.)*

Наташа. Вы, может, перчатки снимете для такого случая?

Олег. Что?.. Да, да, конечно. *(Снимает перчатки.)*

Наташа. Вот вас слушаешь — и похоже, словно вы не мне, а себе в любви объясняетесь. Вас как зовут-то?

Олег. Зовут? То есть как — зовут? Олегом.

Наташа. А надо бы — Яшей. Все «я», «я» да «мне».

Олег. Наташенька, я хочу, чтоб и вы стали частью меня. *(Обнимает и хочет поцеловать Наташу.)*

Наташа *(освобождаясь)*. Да нет же, я как-нибудь сама...

Олег. Не любите? Только не говорите мне этого. Хоть не любите, а не говорите, — я не перенесу, Наташа. Промолчите, пожалейте меня!

Н а т а ш а. Как же можно молчать? Молчать нельзя. Что ж вы будете мытариться? Ни капельки я вас не люблю, ни капелюшки! Были б мы с вами — Наташка да Яшка. Нет, не надо. Вы уж простите... Да что б я делала с вами?

О л е г. Что же мне теперь — головой в речку?..

Н а т а ш а. Вода холодная, а вам нельзя.

О л е г. Вы смеетесь. Вы мало знаете меня, Наташа. Вы увидите... *(Уходит вниз.)*

Н а т а ш а. Нет, знаю. Ничегошеньки я не увижу.

За сценой слышен скрип весел и песня. Там мужской голос поет:

Сяду я на корабль трехмачтовый
И покину родимый предел.
Поншу я судьбы себе новой,
Коли старой хранить не сумел.

И несколько голосов подхватывают:

Поншу я судьбы себе новой,
Коли старой хранить не сумел.

Н а т а ш а. Ах, какой мечтательный вечер! Вон костры зажгли. А-ах! *(Ложится за дерево лицом к речке.)*

Входят Д в а л и и Т о н я.

Д в а л и. Вот тут мы и сядем в свой кузов. Нам тут не будут мешать. В темноте, да не в обиде. Садитесь.

Т о н я. Спасибо. А вот на лодках поехали. Поют.

Д в а л и. Да, абсолютно так. И все это вместе взятое называется жизнь, Тоня.

Т о н я. Что — взятое?

Д в а л и. В общем. Вы, я, лодки, песня, ваше подготовка на рабфак.

Т о н я. Я на рабфак подготовлюсь. Вы очень хорошо учите.

Д в а л и. Да. Я бы только хотел...

Т о н я. Что ж, я не вижу, что вы хотите? Вы ведь стараетесь.

Д в а л и. Вы чувствуете, Тоня?

Т о н я. Очень чувствую.

Д в а л и. А вы хотите, Тоня?

Т о н я. Ну еще бы не хотеть!

Д в а л и. Вы согласны на эту перемену вашей жизни, на эту новую судьбу?

Т о н я. Ну еще бы! Так я уборщица, а буду инженершей.

Д в а л и. Конечно... Ну иди, я прижму тебя в объятия! *(Берет ее за руку.)*

Т о н я. Ой, что вы делаете? Ой!..

Д в а л и. Постой, мы же говорили...

Т о н я. Что мы говорили? Мы об рабфаке говорили, а вы сейчас обнимать. Стыдно вам. *(Убегает.)*

Д в а л и. Опять какое-то неразберенне. Объясняешь ей ясным языком, а она все путает. Что это такое?

Н а т а ш а. Все это вместе взятое называется жизнь, Двали.

Д в а л и. Ой! Это ты, Наташа?

Н а т а ш а. Ага.

Д в а л и. Ты слышала? Что же это такое?

Н а т а ш а. Просто не поняли друг друга. Но вы найдете общий язык, ты не беспокойся.

Д в а л и. Ты полагаешь?

Н а т а ш а. Абсолютно так. Ты только смотри, на рабфак-то ее готовь.

Д в а л и. Категорически буду готовить.

Н а т а ш а. Ну, побегу за ней. Что ж ты отпустил ее одну?

Д в а л и. Это так надо — побежать?

Н а т а ш а. Ну да.

Д в а л и. Я уже имею опасение ее обидеть. Знаешь, пуганая корова на куст садится.

Н а т а ш а. Да беги скорей!

Д в а л и. Ты знаешь, я думаю, лучше передать ей свои соображения в написанной форме. Записку. Может, она скорее поймет.

Н а т а ш а. Пожалуй.

Д в а л и. Пойди, пожалуйста, со мной, загладь ее.

Н а т а ш а. Ну, давай руку.

Двали протягивает руку и поднимает Наташу с земли.

Побежали.

Бегут вниз.

Входит Г о ш а, за ним — П е т я.

Г о ш а. Что ты ходишь за мной по пятам?

П е т я. Поговорим, Гошка. Мы ведь друзья с тобой, черт тебя подери. Открой мне свою грудную клетку.

Г о ш а. Темно мне, понимаешь — темно.

Петя. Луна будет.

Гоша. Не будет луны. Вообще просветления не будет.

Петя. Здорово забрало, а?

Гоша. Здорово.

Петя. Врезался?

Гоша. Врезался.

Петя. Так чего ж ты тянешь? Объясняйся, крой.

Гоша. Мне объясниться с ней? Не могу.

Петя. Что ж ты думаешь, она сама объяснится?

Гоша. Нет, думаю, ~~не объяснится~~.

Петя. Так что же, мне за тебя объясняться?

Гоша. С ума ты сошел!

Петя. Так как же будет?

Гоша. Не знаю.

Петя. Ну, давай сначала. Здорово забрало, а?

Гоша. Здорово.

Петя. Врезался?

Гоша. Врезался... Не лезь, Петя. Ну что же это?

Когда думаю о ней, хочется подбежать, взять за руку, ~~зажать ее локоть~~ — у нее, ~~знаешь, локоть нежный какой-то, круглый~~ — и шагать, шагать, и все говорить, обо всем говорить. А как увижу ее, так у меня ноги отпадают, голос перехватывает, ~~а вот тут будто начинает ходить подъемная машина. Вверх и вниз~~. И я бурчу черт его знает что.

Петя. Ты поэтому и сидишь дни и ночи?

Гоша. При чем тут — поэтому? Я из-за бериллия сижу. Но, когда занимаюсь, ни о чем другом не думаю. Может, потому больше сидеть стараюсь.

Петя. Но нельзя дни и ночи сидеть, голуба. Это, брат, разрушающая нагрузка. Не выдержишь. Вот уже заскоки у тебя; как сегодня утром.

Гоша. Я знаю, что нельзя. А тебе не кажется, что у нее с Олегом что-то?

Петя. ~~Нет, не кажется~~.

Гоша. ~~Она ведь с ним часто~~. И вот сейчас понли.

Петя. Видишь, я что тебе скажу. Пока, мне кажется, нет ничего, но если ты тянуть будешь, черт его знает, что может выйти.

Гоша. И меня бирюком зовет, упрямым, и не видит, что там делается. Почему это так не устроено, чтоб человек мог мысли читать, а не только слова слышать? Вот тогда б она видела. Она мне говорит, допустим: «Пойдемте, Гоша». Я б сказал: «Не хочу». А она б прочла: «Наташка,

я ж с тобой в Кара-Кум, в Арктику, в стратосферу, куда хочешь, скорей только». И мы б пошли.

Петя. Новое в зоологии! Сентиментальный бирюк. Сам расстраиваешься и других расстраиваешь. Честное пионерское.

Гоша. Что мне делать, Петя?

Петя. Сегодня, слышишь — сегодня ты объяснись с Наташкой.

Гоша. Сегодня? Никогда.

Петя. Тогда это сделает за тебя Олег, и ты, как Костяка, опоздаешь.

Гоша. Но я не смогу.

Петя. Нет, ты сможешь. А я помогу тебе. Бериллий, бериллий, что ты со мной делаешь! Вот я уже превращаюсь в сводника. Чтоб ты знал, подлец, что это не для тебя, а для бериллия.

Гоша. Сегодня — нет.

Петя. Сегодня, именно сегодня, и только сегодня. Я скажу Наташке, что тебе с ней надо поговорить, и она найдет тебя. Так будет верней, ибо сам ты не подойдешь — это ясно. А когда она придет, соответственно настроенная, тут уж ты должен действовать.

Гоша. Нет, я ничего не скажу.

Петя. Я говорю — действовать. Говорить в таких случаях не всегда обязательно. Слушай меня и крепко запоминай. Значит, она придет. Так. Сядь рядом.

Гоша. Я не могу.

Петя. Ну, я ей скажу, чтоб она села рядом. Потом начини нейтральный разговор, конечно связанный с обстановкой. О звездах ты можешь поговорить?

Гоша. Ну, о звездах могу.

Петя. Значит, поговори о звездах. Потом ты тихонько кладешь свою руку на ее пальцы и слегка их гладить.

Гоша. Я не могу.

Петя. ~~Молчи~~. Понимаешь, можно ничего не говорить. Потом, если она не отняла руки, крой — прислоняй ее ладонь к своей щеке, да нежнее, не дергай — это тебе не волейбол, ласковей, понимаешь ли. Если она и тут не отстранилась, хватай ее в охапку и целуй, и имей в виду — уж тут не отступай. Она сейчас же начнет говорить: «Не надо, не надо», — но ты не обращай внимания, это всегда так говорится и имеет такой же смысл, как «здравствуй» или «спасибо». Понял?

Гоша. Да, понял.

Петя. Ну и что?

Гоша. Трудно.

Петя. И ты испугался трудностей?

Гоша. Не треплись.

Петя. Смотри у меня.

Входят Наташа, Двали, Тоня.

Наташа. Ну, что же твой вечер самодеятельности, Петька?

Петя. Занимайте места. Оркестр с обеда репетировал. (Тихо, Гоше, который хотел уйти.) Куда, сукин сын? Ни с места!.. Эй, музыканты! Двали, бери свой инструмент.

Двали. Он тут. (Вынимает из бокового кармана длинную свистульку.)

Ирина приходит с двумя парнями и девушкой — соседями.

Ирина. Наташа, а где Олег?

Наташа. Уединился где-нибудь.

Ирина. Олег! Олег!

Петя. И нет ответа. Ну можно начинать. А Костька где? Костька!

Вбегают с баяном, запыхавшись, Костя.

Костя. Что, опоздал?

Петя. Нет, раньше всех пришел. Садись. Для начала оркестром в составе свистушек, тарахтелок, звончиков и шумиков будет исполнен номер моего сочинения: «Ну что за ме».

Наташа. Ка-ак?

Петя. «Ну что за ме». Вот услышишь. Это одна из моих последних сюит. Пятнадцатый онус. Вступление.

Двали, Костя, один из парней и девушка играют; Петя, Ирина, другой парень, Тоня, Наташа под аккомпанемент поют:

Ну что за ме...

Ну что за ме...

Ну что за месяц, за таке?

Он ночью све...

Он ночью све...

Он ночью светит, а днем не.

Ну что за ми...

Ну что за ми...

Ну что за милый, за такий?

Он ночью лю...

Он ночью лю...

Он ночью любит, а днем ни.

Петя. Кланяйся, Двали.

Двали. Почему я?

Петя. Высокое искусство должны представлять высокие артисты. Да, да. Вторым номером исполняется «Полюшко». Посвящается нашей березке — Наташке.

Ирина. Олег! Олег! Куда он запропастился?

Петя. Да оставь ты его, право. Человек ходит среди нас в перчатках, надутый, как на резиновых шинах, а ты его тащишь.

Ирина. Не такой уж он плохой, как кажется. Просто начитался всякой книжной ерунды и воображает о своих переживаниях бог знает что.

Петя. Это верно. При всей его сложности к нему подходит обыкновенный дверной ключ.

Ирина. Надо, чтоб он был ближе к нам.

Петя. Так он сам ведет себя среди нас, как натрий в воде, — шипит.

Ирина. Мне жаль его.

Петя. Но пожалей и нас тоже. Смотри, оркестр приготовился, тебя ждем.

Ирина. Ну, давайте. Где же он все-таки?

Петя. Тихонечко, ребятки, чтоб как ветерок поднималась песня, чтоб как будто где-то там, за речкой, началась и плывет к нам. Костенька, чтоб баян твой вздыхал. Э-э! Не запаздывай только, милый. Не очень высоко, Двали, ты ноты по росту берешь. Ну, уста золотые...

Поют тихо, лирически «Полюшко-поле»¹.

Песня растет, ширится. Со всех сторон на песню сходятся ребята, девушки из соседнего колхоза, подпевают. Один совсем молодой парень восторженно смотрит на баян и на играющего Костю. Песня переходит в плясовую, выходят один за другим танцоры.

Петя. Переборов больше, Костенька. Переливы где? Выходи, Наташка.

¹ Слова В. Гусева, музыка Л. Киппера.

Петя выходит, прошелся раз, стал перед Наташей, и тогда она вышла легкой и упругой походкой. Песня растет. Пляска. За сценой отдаленный одинокий крик. Среди общей пляски настораживается Ирина, встает, прислушивается. Снова крик.

И р и н а. Стойте!

Ее не слышат, пляска продолжается.

(Кричит почти так же отчаянно, как голос с реки.)
Да стройте же!

Все замолкают и останавливаются. Только Костя, запоздав, тянет последние ноты, и тогда вновь ясно слышен крик Олега за сценой.

Олег! Тонет!

Н а т а ш а. Не может быть, товарищ!, не может быть!
(Бросается к реке, все за ней.)

Остается только деревенский паренек, который все время с восхищением смотрел на Костю. Теперь, когда все убежали, он подошел к оставленному Костей баяну, осторожно взял его в руки и тихонько, очень тихонько, ошибаясь и слегка скрадывая полутона, наигрывает мелодию «Полюшка». За сценой слышны ясно, как всегда над рекой, голоса.

П е т я. Держись, Олег! Продержись минуту!

Т о н я. Вот тут, вон лодка перевернутая.

И р и н а. Олег!.. Олег!.. Не отвечает.

Г о ш а. Видите, уже под водой. Тут надо плыть, его вниз отнесло.

Д в а л и. Тут мелко, я достал дно ногами.

П е т я. Значит, очень глубоко. Осторожней, Наташа!

Г о л о с а { Правей!
Вон рука, кажется!
Правей, ребята!
Правей держите!

Н а т а ш а. Есть. Я нашла... Сюда! Гоша!

Г о ш а. Плыву!

Паренек оставляет баян и тоже спускается вниз.

Т о н я. Я здесь. Где вы, Наташа?

Г о л о с а { Нашли!
Вон плывут.

И р и н а. Скорей к берегу. Костя, лодку!

К о с т я. Сейчас, сейчас...

П е т я. Захлебнулся малость. Костя, лодку!..

К о с т я. Сейчас, сейчас...

Д в а л и. Давайте к берегу. Я сделаю ему неестественное дыхание, я учился, как это делать.

И р и н а. Костя, где же лодка?

К о с т я. Сейчас...

Н а т а ш а. Да не нужна уже. Возьмите его на руки. Скорей, Двали!

Д в а л и. Наверх. Платок мне...

И р и н а. Ну скорей же!

Выносят Олега наверх. Петя, Гоша в трусах; Наташа, Двали в мокрой пиджаке. Ирина очень волнуется. Сзади них толпа ребят.

П е т я. Ну, не толпитесь. Идите, ребята. Видите, какой случай!

Ребята расходятся. Двали, Петя, Гоша, Ирина, Наташа кладут Олега; Двали делает ему искусственное дыхание.

Ага, чихает... Все в порядке.

Т о н я. Теперь перевернуть надо.

Д в а л и. Плюй, Олег, плюй. Наплюй в колодец, приходится воды напиться.

И р и н а. Олег, лучше тебе, Олег?

О л е г. Да, лучше. Спасибо...

Н а т а ш а. Неужели вы?.. Неужели вы?..

О л е г. Да нет. Я на лодке поехал, один, а перчатки, помните, снял. Потом спохватился — ведь за весла все руками трогают, а я без перчаток. Нагнулся руки помыть, лодка накренилась и опрокинулась как-то. Плавать я не умею.

П е т я. Зря. Вот и наглотался водички. А мы тебя выволокли. Ты, брат, извини, мы тебя бригадным методом тащили. Ирка твой крик услышала, Тоня лодку заметила, Наташка нырнула, тебя нашла, мы с Гошкой до берега доставили, а Двали оказался спец по неестественному дыханию.

О л е г. Вы все бросились в воду. А Наташа одетая...

Н а т а ш а. Ну, стоит ли говорить сейчас об этом.

Г о ш а. Ерунда... Ты сам бы бросился, если бы кто-нибудь из нас тонул.

И р и н а. Пойдем, ведь тебе переодеться надо, и ляжешь там.

Наташа, Ирина, Двали, Тоня берут Олега под руки, уводят; Гоша и Петя одеваются. Вбегает, запыхавшись, Костя.

К о с т я. Вот проклятое течение. Меня с лодкой вниз унесло. Ну что Олег? Я ведь искусственное дыхание умею делать.

П е т я. Ага, ты как раз вовремя. Олег, правда, тебя не дождался, без дыхания ушел.

К о с т я. Неостроумно. Я ж не по своей вине опоздал. (Уходит.)

Г о ш а. Угораздило его. Еще б немного — опоздали мы.

П е т я. Да, если б не Наташка, каюк ему. Амба. А теперь — пустяки. Лучше спать будет после ванны.

Г о ш а. Да, Наташа его вытащила.

П е т я. Ну и что?

Г о ш а. Да ничего. Говорю, вытащила его Наташа. Почему, понимаешь, не я тонул? Не везет. Другие тонут.

П е т я. Ага! А ты думаешь, ты не тонешь? Ты тоже вроде утопающего. Но ничего, она и тебя вытащит.

Г о ш а. Я сейчас заниматься пошел.

П е т я. Попробуй только. Посмей! Я тебя вместо Олега брошу. Сиди, я сейчас ее откомандирую к тебе. Мы ж условились.

Г о ш а. Нет, Петя, не надо.

П е т я. То есть как — не надо? Слушай, я тебе прямо говорю. Сейчас, может, у них и нет ничего, но он ее жалостью возьмет. Ты ж не понимаешь. Жалость — это великое дело. Начнет она его жалеть, тут тебе отбой. Честное пионерское. Я тебе говорю, надо действовать. Решительно действовать.

Г о ш а. Все равно... Я не могу.

П е т я. Трус! Тряпка! Ты же только что в омут нырнул, а тут с девкой поговорить дрейфишь. Позор!

Г о ш а. Да я не дрейфлю, а, понимаешь, не умею я... Неловко очень...

П е т я. Да ты помнишь, что я тебе говорил?

Г о ш а. Помнить-то помню.

П е т я. Повтори все про себя. Подготовься. Сделай гимнастику. Вообще представь себе что-нибудь. Допустим, ты — лев в пустыне. Или, скажем, орел. Подхрабрись. Стихи почитай какие-нибудь. Ты умеешь стихи читать?

Г о ш а. Нет.

П е т я. Ну, не важно, можно без стихов. Надо же покончить с этим. Ведь сначала только трудно, только первый момент, а там пойдет. Ну, готов ты?

Г о ш а. Все равно, давай.

П е т я. Вот, наконец-то настоящее слово. Я буду недалеко. В случае чего зови на помощь. Ну, мужайся. (Уходит.)

Гоша ходит, ухватывает и отламывает сук, потом ломает его на куски. Делает это с большим напором. Н а т а ш а, в другом платье, подходит. Некоторое время смотрит на Гошины упражнения.

Н а т а ш а. Ты хотел поговорить со мной?

Г о ш а (с двумя кусками дерева). Нет.

Н а т а ш а. Как — нет? Мне Петя сказал.

Гоша молчит.

Так что ж... Ну, давай сядем. Да брось палки, а то ты похож на первобытного человека. ~~Оглушишь суком и потащишь в лес.~~ О чем ты хотел поговорить со мной?

Г о ш а. Так, вообще.

Наташа садится около Гоши на сваленное дерево. Гоша тоже опускается, но довольно далеко от нее.

Н а т а ш а. Ну, давай «вообще».

Г о ш а. Вот я хотел... с тобой о звездах поговорить.

Н а т а ш а. О звездах?

Г о ш а. Ты знаешь, что изучать физическое строение звезд можно только при помощи спектрального анализа?

Н а т а ш а. Да?

Г о ш а. Ну да. Причем, знаешь, они ведь неодинаковые — спектры.

Н а т а ш а. Угу. (Подсаживается ближе.)

Г о ш а. (отодвигается). Их ведь можно на четыре типа разделить. И каждому типу соответствует особая окраска.

Н а т а ш а. Да?

Та же игра.

Г о ш а. Конечно. Знаешь, к первому типу принадлежат белые или слегка голубые. Сириус, Вега...

Н а т а ш а. Вот как?

Г о ш а. Ну да. Звезды этого типа имеют семицветный спектр, пересеченный четырьмя резкими темными полосками. И, знаешь, одна находится в красной части спектра, другая — в голубовато-зеленой, а две — в фиолетовой.

Н а т а ш а. В фиолетовой? Так.

Гоша. Причем, знаешь, наличие таких широких полос говорит о том, что поглощающий слой у этих звезд находится под большим давлением.

Наташа молча подвигается к Гоше. Он не отодвигается.

Гоша *(в задумчивости)*. Эти полосы характеризуют водород.

Наташа. Глупый ты парень. Ну что тебе дали твои спектры? Ну, Гошка! *(Берет его руку и гладит пальцы.)* Посмотри-ка, все поля, поля; а видишь — вон костры горят. Может, там хороводы ведут у пламени, и у меня-то щеки пылают. Посмотри. *(Берет его руку, прикладывает к своей щеке, удерживает ее.)*

Гоша отодвигается, пытается забрать руку.

Ну что ты отодвигаешься от меня? Балдюк! Ну, иди же сюда, пожарный мой. *(Наклоняется к Гоше, обнимает его, хочет поцеловать.)*

Гоша *(вырываясь, сползает вниз и бормочет в большом смутении)*. Не надо... Не надо... Не надо...

Наташа. Не надо? Да что же это? Значит, мне казалось все? И я дура, дурища... Не нужен ты мне, ни капелюшки! Хоть разревись, ей-богу. У-у, бирюк! *(Крепким своим кулаком хлопает Гошу по лбу и убегает.)*

Гоша сидит все так же задумчиво.
Вбегает Петя.

Петя. Ну как? Что это она полетела?

Гоша *(рассеянно)*. Она меня кулаком стукнула.

Петя. Так ты, наверное, сразу полез? Прямо схватил, наверное...

Гоша. Да не в этом дело.

Петя. То есть как не в этом дело? Как же можно так прямо? Ведь они смущаются, девушки, если так. Я ж тебе говорил, как надо.

Гоша. Да не в этом дело. Ты понимаешь, я начал ей про звезды рассказывать, про годород, про высокое давление поглощающего слоя. Так ведь я все время думал об этом. Плавить-то ведь надо под давлением, и именно водород нужен — ведь он не реагирует с бериллием.

Петя. Конечно, не реагирует.

Гоша. Если давление довести до ста атмосфер, ведь это же отодвинет точку кипения магния.

Петя. Безусловно отодвинет.

Гоша. Что и требуется.

Петя. Ну конечно. Гошка, это ж великое дело!

Гоша. Как ты думаешь, мы на ночной поезд не опоздаем?

Петя. Я думаю, нет.

Гоша. Собирай бригаду.

Петя *(кричит)*. Ребята! Ребята!.. *(Бежит к даче.)*

Занавес

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТ

Обстановка первого акта. Утро. Горят лампочки. Возле прибора, изготовленного бригадой, работают Гоша, Двали, Петя, Костя, Наташа. Они бледны и устали.

Гоша. Ну что ж, взвешивай шихту, Наташа.

Наташа. Есть. *(Идет к точным весам, начинает развеску металла.)*

Гоша. Как фибра, Двали?

Двали. Считаю, что на этот раз выдерживает.

Гоша. Костя, давай баллон. Ты проводку проверил, Петя?

Петя. За аппаратуру отвечаю.

Гоша. Погаси свет — утро.

Петя. Оказывается, да. *(Гасит свет.)*

Наташа. Посмотри, Гоша.

Гоша *(идет к Наташе)*. Костя, баллон!

Костя. Сейчас. Я на трубку хочу гайку присобачить. Как считаешь?

Гоша. Давай.

Двали. Только скорей присобачивай, задерживаешь.

Костя. Не беспокойся, я сам тороплюсь.

Гоша. Давай тигель, Петя.

Стук в дверь.

Тсс, тише.

Все выжидательно смотрят на дверь.

Петя *(шепотом)*. Директор. Как рано приходит, черт старый. Делать ему нечего.

Снова сильный стук в дверь.

Директор *(за дверью)*. Все равно я знаю, что вы здесь. Вон оттуда!

Петя жестом показывает, чтобы все молчали.

Вы слышали? Я вам приказываю немедленно убираться. Я рапорт на вас подам. Открыть дверь!

Петя отрицательно качает головой и разводит руками. Снова сильный стук в дверь.

Что вы комедию разыгрываете? Это вам театр? Отвечать мне. Бригадир Филиппов!

Гоша. Я, товарищ директор!

Директор. Почему вы не отвечаете? Я кто — чурбан или директор?

Гоша. Директор, товарищ директор.

Директор. Так убирайтесь вон оттуда! Вы дали мне слово. Откройте дверь!

Гоша. Не могу, товарищ директор.

Директор. Как? С кем вы разговариваете?

Гоша. Товарищ директор, работа в стадии завершения. Третий день опыт не удается из-за технических неполадок. У нас обязательство ко Дню авиации. Это через три дня. Разрешите довести до конца.

Директор. Прервать!

Костя. Тогда опоздаем.

Гоша. Разрешите довести до конца, товарищ директор. Мы уйдем после обеда, честное слово.

Петя. Честное пионерское.

Наташа. Мы все очень просим, товарищ директор.

Директор. Гм... А вы едите что-нибудь? Бандиты!

Костя. Ей-богу, едим...

Директор. Ежели не увижу вас за обедом — рапорт. Как дела, бригадир Филиппов?

Гоша. Стараемся.

Директор. Ну-ну. Ничего не надо?

Гоша. Пока нет.

Директор. Волнуюсь.

Гоша. И мы.

Директор. Я пошел.

Двали. Не пробился. Не имей сто рублей, а имей сто дверей. Правильно.

Гоша. Костя, баллон!

Костя. Даю.

Все подходят к прибору. Костя подталкивает баллон с водородом. В дверь стучат. Два удара с короткими промежутками и два с большими.

Петя. Ирка. (*Открывает дверь.*)

Входят Ирина и Тоня.

Ирина. Завтрак мама приготовила. Ну как?

Петя. Последний решительный. Все-таки поесть сначала, ребята.

Гоша. Может, потом?

Ирина. Конечно, сейчас. Ставь сюда, Тоня. Так я вам и позволила не евши. Помоги, Двали.

Двали. С удовольствием. (*Помогает расставлять еду.*)

Ирина. Подожди. Скатерть.

Петя. Гошка, не хмурься. Заправимся — дело пойдет веселей. Ирка, этот пирог, по-моему, смотрит на меня. Нельзя? А это что?

Тоня. Кофе.

Петя. Мама дорогая! Налей-ка в эту колбу.

Ирина. Садись, Костя. Это сюда. Ну, ешьте.

Петя. Это что еще за мясо?

Тоня. Кролик.

Петя. Ага, собственного развода директора. Дайте Двали кусок кролика. Или нет, дайте ему вот кусок крольчихи.

Двали. Почему ты узнал, что это крольчиха?

Петя. А ты что, не можешь отличить кролика от крольчихи?

Двали. Нет. А как?

Петя. По скачкам. Если он скачет, значит кролик, если она скачет, значит крольчиха.

Двали. Ага...

Все, кроме Гоши, хохочут.

Подожди, подожди.

Наташа (*ласково ерошит волосы Пете*). Петька ты, Петька, бузило всесветный!

Петя. Ты чаще меня гладь, березка.

Гоша. Начали, начали.

Снова стук в дверь. Все прислушиваются.

Кто это еще?

Наташа. Кто там?

Олег (*за дверью*). Я.

Ирина. Олег. Пустите его ребята.

Костя. Что ему надо?

Гоша. Открой дверь, Петя.

Петя открывает дверь. Входит Олег; он очень расстроен.

Олег. Товарищи... Вот. Понимаете, мне очень тяжело, мне позорно было прийти к вам. Но я преодолел. Я, когда вас потерял, как в воду опущенный хожу. Такая пустота вокруг меня, я продумал многое.

Петя. ~~И о голландцах думал?~~

Олег. Оставь, Петя. Примите меня к себе.

Костя. То есть как? Теперь?

Олег. Да.

Костя. Опоздал. Когда мы все подготовили, так он приходит на готовенькое. Броско. Нет!

Двали. Мы без него управились. На что он нам сейчас?

Ирина. Нельзя так рассуждать. Он мучился, он один совсем остался. Его жалко.

Петя. Да, тяжелый случай. По-честному, мало от него радости. Я прямо говорю.

Гоша. А пользы?

Петя. Он дельный парень.

Гоша. А дельный, значит надо брать. С каких пор мы инженеров отталкиваем?

Наташа. Мы металлы переплавляем, Костя. Неужели ты думаешь, что не удастся изменить Олега?

Костя. Но ведь он сам ушел. Он нас ни в грош не ставил, а теперь, извольте, возвращается. Я — против.

Гоша. С его позиции выступаешь, Костя. Против него выступаешь, а сам обеими ногами на его позиции.

Дрянненькое личное самолюбие.

Двали. Прав Гоша. Давайте его присобачим.

Ирина. Ты слышишь, Олег? Как я рада!

Петя. Ну что, блудный сын? Закусить не хочешь? Ты что же без перчаток?

Олег. Не смейся... Ну, глупо было...

Петя. Чудак, надень перчатки, сейчас плавить будем.

Олег. Я должен вам рассказать...

Гоша. Знаешь, Олег, давай потом поговорим. Сейчас надо приступать. Я введу тебя в курс дела.

Олег. Значит, вы принимаете меня?

Петя. Забудь об этом, Олег, крепко забудь. Считай этот случай не бывшим.

Олег. Я...

Гоша. Так вот, мы плавим под давлением с водородом.

Олег. Вот что?

Гоша. Ты понимаешь, конечно, что обычным способом такую плавку не произведешь.

Олег. Да, это страшно сложно.

Гоша. Двали с Петькой сконструировали прибор, а Костяка его выполнил почти один. Вот — смотри. Это — бомба хромоникелевой стали; внутри изолированная жестянка, в которой тигель.

Олег. Какой материал тигеля?

Наташа. Окись циркония.

Олег. Очень правильно.

Гоша. Через жестянку даем ток, бомбу герметически закрываем фибровой пробкой.

Костя. Вот фибра нас подводит.

Гоша. Да, вот фибру Костя налаживает.

Ирина. Понимаешь, есть большая опасность разрыва бомбы.

Олег. Сколько раз плавил?

Костя. Десять.

Олег. Получили хоть раз сплав?

Гоша. Нет. Все время неудачи. Сейчас приступаем вновь.

Олег. Это очень смело сконструировано. Охлаждаете?

Двали. Абсолютно.

Тоня. Вода у нас проточная, это я приспособила.

Двали. Да, это она.

Наташа. Начали!

Петя. Да, сейчас. Еще одну минуту. Гошка, как говорится, решающий момент наступает. Урби эт орби или что-то в этом роде. Все мы знаем, что и на сей раз может не получиться. А все мы люди, все — человеки. Я, например, про себя скажу — слаб, могу расстроиться и уйти домой. А по-моему, уйти нельзя, пусть хоть эта чертова бомба лопнет. Вот, возьми ты, пожалуйста, мой пропуск. Меня без него охрана не выпустит, и все. *(Кладет перед Гошей пропуск.)*

Двали. Вот мой рядом.

Наташа. Мы не уйдем, Гоша. *(Кладет свой пропуск.)*

Ирина. А я не отдам. Кто вам будет пироги приносить?

Олег. Пожалуйста, возьми мой пропуск, Гоша. Я очень прошу. Вот.

Тоня. А я и вовсе не уйду, будьте уверены.

Костя. Сейчас, ребята, сейчас. Куда-то засунул. *(Лихорадочно роется в карманах.)* Тут, кажется, нет... вот... нет. Вот он... Вот он!

Гоша *(взволнованно)*. Ребята... Ну что ж, давайте начинать. Баллон!

Костя. Даю. *(Приносит баллон.)*

Гоша. Петя, воздух!

Петя. Есть. *(Выкачивает воздух из бомбы.)*

Гоша. Ира, поддержи тут.

Они наполняют бомбу водородом.

Петя. Прекрасно Костяка гайку навернул.

Гоша. Осторожней.

Двали. Поддерживай, Костя.

Гоша. Петя, ток!

Петя. Есть ток. *(Включает рубильником ток.)*

Все сгруппировались вокруг прибора, говорят вполголоса. Большое напряжение.

Гоша. Температура?

Олег *(смотрит на приборы)*. Семьсот пятьдесят.

Гоша. Добавляй.

Петя. Есть.

Пауза. Все подходят к приборам, смотрят температуру.

Двали. Ты видишь, Тоня, ты понимаешь?

Тоня. Ты за меня не беспокойся, я понимаю.

Гоша. Температура?

Петя. Тысяча двести.

Гоша. Так. Еще!

Петя. Если выйдет, Наташка, возьми меня на самолет. Полетим над Кремлем, я надену парашют, прыгну вниз, на заседание ЦК, и скажу: «Товарищи...» — и... и больше ничего не смогу сказать.

Наташа. Обязательно полетим.

Гоша. Выключай. Разбирайте конструкцию, ребята. У меня немножко руки дрожат.

Двали. Спокойней, Петя, не торопись, Петя. Ты знаешь, торопливость нужна только при ловле блох.

Они разбирают конструкцию.

Гоша. Рентген готов, Ира? Можно исследовать?

Ирина. Ты же знаешь.

Наташа. Можно выколачивать, Гоша?

Гоша. Да.

Наташа выбивает металл из тигеля, надев перчатки из толстой парусины. Ирина берет блестящий шарик и несет его в комнату рядом. Все, кроме Гоши, Олега и Наташи, идут за ней.

Олег (Гоше). Волнуешься?

Гоша. Очень.

Олег. Я страшно завидую твоему волнению. Ты можешь меня понять?

Гоша. Да. (Во все время разговора он мысленно в комнате рядом и остро прислушивается к тому, что там происходит.)

Костя выходит мрачный.

Что?! Что там?

Костя. Я предупреждал.

Наташа. Что же?

Костя. Начали стружку брать для химанализа — пилка сломалась. Я уйду оттуда. Может, если меня не будет, — получится.

Гоша. Дурак. Иди! Если пилка сломалась, значит, твердость большая, понимаешь ты? Твердость.

Костя. Ты думаешь? (Убегает обратно.)

Олег. Как хотелось бы мне волноваться, радоваться успеху и страдать от неудачи опыта.

Наташа. Этого никогда не будет, пока ты видишь только опыт.

Олег. Но ведь это опыт. Вот понесли шарик, и сейчас мы узнаем, получился или не получился сплав.

Наташа. Ты все о сложности говоришь, а вот понять, что в этом шарике, не можешь.

Олег. Сплав, если он удался.

Наташа. Упрощаешь, Олег, упрощаешь. Мне бабка сказку рассказывала про серебряное блюдечко и наливное яблочко. Помнишь? Повернешь яблочко — море ширится, корабли, мачты, белые паруса взлетают. Повернешь яблочко — пески, караваны идут, ковры везут, камни, сласти...

Петя вбегает. Гоша и Наташа вскакивают.

Гоша. Ну что?

Петя. Не хватило окиси для шлифовки. Сейчас под микроскоп. (Наливает из банки и снова убегает.)

Олег. Ну и что же?

Наташа. Вот так и этот шарик. Маленький кусочек металла, а взглядишь — увидишь за ним громадную небесную ширь и аэропланы — маленькие, большие, целые эскадрильи, с красной звездой; взглядишь — и ты увидишь: встают города, реки меняют русла, в песках пустынь идут автомобильные караваны. Умей видеть!

Олег. Но ведь это мечта. Ты мечтаешь.

Наташа. Я осуществляю мечту.

За сценой крик, сначала Петин, потом общий. Двери с треском растворяются; Двали, Петя, Ирина, Тоня выскакивают; несколько позже них — Костя.

Ирина. Гошка! Гошка!

Двали. Сплав на лице. Гоша, дай, я обнимаю тебя. (Обнимает Гошу.)

Гошу обнимают Ирина, Костя.

Петя. Мама! Наташка! Мама дорогая! (Целует Наташу.) Ура! Ура! Музыка! Наташка, можно на руках пройти? Наташка, обними же Гошу!

Наташа. Гошка! (Идет к нему.)

Гоша. Я... Я, ребята... (Пятится.)

Костя (Гоше). Ты посмотри, вот ведь он — безусловный и абсолютный сплав. Огорвали! И я не помешал, и кровь моя не помешала. Вот тебе шлиф. Пробовали на твердость. Стальной шарик не вдавливается, только алмаз.

Тоня (Косте). Все ты сомневался. Видишь, на все сто.

Ирина. Пробовали на коррозию. Азотная кислота не берет.

Петя. Дайте, я задую бригадира. Гоша, бирюк проклятый, красная девица, топор пожарный, любовь моя! (Бросается к Гоше, душит и трясет его.)

Ирина. Осторожней, баллон!

Петя и Гоша спотыкаются о баллон, оба падают, причем брюки Гоши рвутся, и образуется громадная дыра.

Гоша (тихо). Черт! Видишь, что ты сделал?

Петя (тоже). Прости, Христа ради. Вот будь я проклят. Стань сюда, Гошка, за прилавок.

Гоша (проходит за лабораторный стол и становится лицом к публике, видный только по плечу). Как это ты?

Двали. Надо относить директору сплав, Гоша.

Гоша. Да я не понесу.

Петя (тихо). Надо зашить брюки-то. Честное пионерское.

Гоша. Да замолчи.

Ирина. Все ты скромничаешь, Гошка. Ты же бригадир, ты обязан первый сообщить.

Костя. Гошка, надо сообщить в управление. Ведь там ждут результатов. Иди.

Тоня. Иди, Гоша. В бригаде должен быть порядок. Каждый должен быть на своем месте. Ты бригадир — иди.

Гоша. Да несите вы сами.

Петя. Ну да несите, а мы тут побудем. Потом пойдем.

Наташа. Нехорошо без бирюка... без Гоши, я хотела сказать.

Петя (тихо). А какво бирюку без брюк?

Гоша. Перестань ты. Несите. Иди, Олег.

Наташа. Ну конечно, надо нести, раз он упрямится. Дело не ждет.

Тоня. Я тоже с вами пойду.

Девушки выходят.

Петя. Ну, снимай брюки. Да скорее, а то, знаешь, ведь прийти могут. Мы сейчас моментом зашьем. Двали, где твоя иголка?

Двали. Там, наверху. И нитки.

Петя. Ну давай, скидывай скорей. Постой, мы сейчас заштопаем. Вот неприятность, и в такой момент, главное.

Гоша. Черт тебя дернул! (Снимает за лабораторным столом брюки.)

Петя. Не черт, а ты сам дернул, я ж не могу тебя не обнять. Это ж великое дело, а ты брыкаешься. Ну, пошли.

Они берут брюки и бегут в соседнюю комнату.

Костя!

Костя. Сейчас, сейчас. (Убегает за ними.)

Через мгновение за сценой шум, и в комнату через другую дверь входит толпа народа: директор института, сотрудники, сотрудницы, Наташа, Ирина, Тоня и Настя с большим букетом цветов.

Директор. Где они, мои ребята? Гоша, иди сюда. Дай руку.

Гоша. Я... не могу.

Директор. Ну, не скромничай, не скромничай — выходи. Рад. Счастлив. Вот, оказывается, какой результат. Иди сюда, Гоша. Обниму.

Гоша. Да я... Дело в том...

Директор. Ну и скромнига. (Идет к Гоше и хочет пройти к нему за лабораторный стол, но Гоша тянется к нему через стол, и они обнимаются.) Ты крепко стой, Гошка. Не сходи.

Гоша. Я не сойду.

Сотрудники и сотрудницы (подходят). Поздравляю, Гоша!

Голоса { Поздравляю!
Молодцы, ребята!
Привет!
Поздравляем!

Настя. И я тут. Только приехала. Приезжаю, а мне говорят: твоя бригада штуку отколола мировую. Определенно. Вот мне отдыхающие цветов дали, я там в санатории порядок навела; а я думаю цветы ребятам отдать — потому я живот грела, а они тут парились. На-ка. (Дает ему букет.)

Гоша. Куда ж я?.. Спасибо.

Директор. А остальные где? Где же все герои?

В этот момент открывается дверь. Двали, Петя и Костя, торжественно развернув, вносят брюки, но, увидев народ, застывают на месте.

Что это такое?

Пауза.

Что это такое, я спрашиваю?

Двали. Это, можно сказать, штаны, или, я бы даже назвал их, брюки.

Директор. Я вижу, что брюки, но что это значит? Зачем вы их принесли?

Петя. Да дело в том, что... Так ведь бригадир у нас Гошка. Вот. Ну, мы решили премировать его. Брюками.

Директор. И вы не нашли ничего лучшего, как премировать его каким-то старьем? Это что, насмешка над институтом? Завтра я премирую его коверкотовым костюмом, унесите эти брюки.

Петя. } Унести?!
Гоша. }

Директор. Да, да. И не позорьте института в другой раз.

Петя. Товарищ директор, может, пока эти? А завтра коверкотовые. А эти пусть он на... на память, а?

Директор. Никаких разговоров. Унесите, чтоб я больше не видал их.

Петя. Вам-то ничего, но Гошке-то как? Он же хочет видеть их на себе.

Директор. Подождите до завтра. Довольно препираться в такой момент. Несите!

Петя. Унеси, Костя. *(Тихо.)* Около дверей положи.

Костя. Ладно. *(Выходит в соседнюю комнату.)*

Входит сотрудник.

Сотрудник. Товарищ директор, там вас спрашивают. Кто-то приехал.

Директор. Пошли. Идем, Гоша.

Гоша. Я сейчас, я сию минуту приду.

Петя. Пошли, пошли. Он придет, это уж я знаю; он очень взволнован. Оправится и придет. *(Уводит всех.)*

Директор. Скорей, пожалуйста. *(Уходит.)*

Из дверей выскакивает Костя.

Костя. Что, ушли? Опоздал? *(Проносится через комнату.)*

Гоша. Стой, погоди. Принеси мне...

Костя убегает. Гоша хочет пойти сам в соседнюю комнату, но за сценой быстрые шаги. Гоша вновь испуганно занимает ту же позицию. Входит Наташа.

Наташа. Что ж ты не идешь?

Гоша. Сейчас

Наташа. Гошка, я хочу сказать тебе. Такой день радостный. Я ведь поняла тебя, ты же страшный скромнига, как директор сказал. Я же чувствую — ты любишь меня, я не могла ошибиться, ты просто смущаешься. Ну, иди ко мне, Гошка, родной мой!

Гоша. Нет-нет... Не пойду...

В дверях появляется Петя.

Наташа. Не пойдешь?

Гоша. Ни за что не пойду...

Наташа. После того, что я тебе сказала?
Гоша. Все равно не пойду.
Наташа. Почему?
Гоша. Потому. Не пойду.
Наташа. Второй раз! Нарочно. Назло. Бирюк! Бесчувственный. Бирюк! *(Пробегает мимо Пети.)*

Петя беззвучно хохочет.

Гоша. Ты-то что смеешься? Дубина! Ты же знаешь, что я не мог выйти.

Петя. Я? Смеюсь? С чего ты взял?.. Ей-богу, нет... Что-то в горло попало... Пыль, знаешь.

Гоша. Давай брюки! Я сейчас поговорю с тобой.

Петя. Только без эксцессов, Гошка. *(Идет в комнату и приносит брюки.)* Вот твоя премия, получай.

Гоша берет брюки и быстро надевает.

Петя. Ты смотри, какая работа. Сам шил. А ты драться хочешь. Бирюк. Бесчувственный.

Гоша *(одевается)*. Погоди... Погоди!

Входит Ирина.

Ирина. Гоша, Петя... Что вы застряли тут? Вы знаете, кто приехал?

Петя. Кто? Не пугай только, ну кто?

Ирина. Начальник управления со всем штабом, и вас спрашивают.

Петя. Мама дорогая. Где ж они?

В комнату входят директор, Двали, Олег, Наташа, Тоня, Настя, сотрудники, начальник управления и с ним несколько человек военных в форме летных сил Республики. На некоторых из них кожаные куртки и шлемы. У них орден. Лица их загорелы и обветренны.

Начальник управления. Где ж он?

Директор. Вот, товарищ начальник. Вот он. Это вот Гоша, лучший наш бригадир, товарищ начальник. Комсомолец, общественник.

Начальник управления *(здороваясь с Гошей)*. Сколько вам лет?

Гоша. Двадцать три.

Начальник управления. Недопустимо молод. Недопустимо.

Петя. Это у него пройдет с годами, товарищ начальник.

Директор. Это — Петя Горемыкин, инженер-электрик. У него четыре изобретения осуществлены. А вот это — Ян Двали.

Начальник управления. Виноват?

Двали. Это моя фамилия — Ян Двали.

Начальник управления. Ага. (*Жмет руку Двали.*)

Директор. Замечательно талантливый конструктор и все растет.

Петя. Прямо на глазах растет, товарищ начальник.

Директор. И еще Костя Курицын. Где же Костя?

Петя. Он придет. Он немножко запаздывает.

Директор. С девушками вы уже познакомились. Вот они дали сплав.

Ирина. Самый устойчивый против коррозии.

Начальник управления. Вы сами — чудесный сплав, друзья, самый устойчивый против коррозии. Мне передавали о ваших делах. Мы будем просить, чтобы в День авиации в списке награжденных Республикой боевых водителей Воздушного Флота были и ваши имена. Как, товарищи командиры?

Командиры, а за ними и все присутствующие аплодируют. За сценой бьет барабан. Идет звено пионеров.

Звеньева (*входя, начальнику управления*). Отодвиньтесь, товарищ, не видите — отряд идет.

Начальник управления. Виноват. (*Отдвигается.*)

Пионеры входят, становятся лицом к публике.

Звеньева. Третья бригада! Нам сказали, что вы завершили работы. Мы поздравляем вас. Мы постановили приветствовать вас нашей песней. Внимание, ребята! (*Поднимает руку, дирижирует.*)

Отряд (*поет под аккомпанемент барабанов «Песню о юном барабанщике»*)¹.

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев, смелых бойцов.

¹ Немецкая революционная песня в переводе М. Светлова; музыкальная обработка А. Давиденко.

Средь нас был юный барабанщик,
В атаках он шел впереди,
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел.

До сих пор звонко и весело, а следующие слова грустно и приглушенно.

Но, пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал.

И наконец совсем тихо.

И смолк наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал.

Снова звонко и сильно.

Раздастся грохот канонады,
Мы двинемся в славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

Петя (*стоит лицом к зрительному залу, обращается к пионерам*). Спасибо, будущие народные комиссары. Мы двинемся в славный поход, ребята. Был такой маленький капрал, он стал императором и завоевал весь мир, а вы знаете, что каждый наш маленький барабанщик в тысячу раз выше ихнего капрала. Тот завоевывал территорию, а мы с вами завоевали историю. Капралы ползут на нас, ребята, обязательно ползут, и вот тогда мы двинемся. Наши аэропланы будут из бериллиевого сплава, они полетят высоко над старухой-землей или, если надо будет, пройдут бредущим полетом: «Пожалуйста бритесь, господа». А внизу с песней пойдут наши бригады. С песней пойдём мы на тебя, старый мир, с песней и барабаном! Может, я и погибну тогда, но до самой смертной точки пойду я с веселой песней... Я хочу быть твоим барабанщиком, моя молодая страна!

Занавес

Москва, 1933 г.